

С.А.ДАВЫДОВ

**ЗАПИСКИ СТАРОГО
ВЗРЫВНИКА**

Детство в имени
“Недорезанные” и их судьба
Охота и другие увлечения

Москва – 1992

Давыдов С. А.

**Записки
старого взрывника**

*Детство в имени
“Недорезанные” и их судьбы
Охота и другие увлечения*

**Москва
ГПИБ
1992**

*Издание осуществлено
за счет средств автора*

Д13 Давыдов С.А.

Записки старого взрывника: Детство в имени.
"Недорезанные" и их судьбы. Охота и другие увлечения. —
М.: Изд-во ГПИБ, 1992. —96 с.

Детские и юношеские воспоминания Степана Александровича Давыдова приходятся на переломный период в истории Отечества — 1910-е — начало 30-х годов. Принадлежность к слою "бывших" наложило отпечаток на судьбу автора и его близких. Мемуары С.Давыдова органично дополняют опубликованные в 1990 г. воспоминания его двоюродного брата С.Голицына "Записки уцелевшего". Продолжением данного издания станут "Записки старого взрывника", посвященные профессиональной деятельности автора.

I. До революции

Первое, что мне запомнилось в жизни, — это мой день рождения, когда мне исполнилось четыре года. И запомнилось мне следующее: кто-то, если не ошибаюсь тетя Женя Лопухина, тогда еще молоденькая девушка, подарила мне маленький перочинный ножичек в форме тувфельки. Я был страшно рад такому подарку и, конечно, вскоре порезал палец. Ножичек у меня отобрали и забросили на шкаф. Было это в Москве, где мы тогда жили, в доме Лопухиных, родителей моей матери. Вскоре наша семья, состоявшая тогда из отца с матерью и двух детей — меня и моей сестры Лели, на два с половиной года старше меня, — переехала в Тамбов. Так что ножичек этот так ко мне больше не попал. Но память на всю жизнь осталась.

Отца с нами не было: он с начала войны был мобилизован и служил в Тамбовском запасном полку в чине прапорщика и командовал полковыми писарями. Служба эта была постоянная, поэтому отец снял там квартиру и вызвал нас туда. В этот период мне малó что запомнилось. Разве что у отца было две шинели, одна солдатская из обычного шинельного сукна, а другая — офицерская, из сукна серо-голубого цвета. Ее он надевал редко, в парадные дни. Была у него портупея с кобурой, имитирующей револьверную, но в ней ничего не было. Сколько мы вместе прожили по адресу ул. Кошкина, Галкин дом (тогда адреса писались не по номерам, а по фамилии домовладельца) не помню, но отца перевели из Тамбова в Минск, и мы с матерью, а также с нашей няней Феклушей перебрались в здание Дворянского Собрания. Предводителем Губернского дворянства был дедушка Чолокаев, дядя моего отца. Это был солидный человек, среднего роста, с большой белой бородой лопатой.

Там же жила семья недавно умершего дяди Володи: его жена тетя Ольга и их дети — Сергей, Катя и Коля. Сергей и Катя были уже большие и учились в гимназиях, а Коля — ровесник моей сестры Лели. Поэтому мы трое часто вместе играли.

В Дворянском Собрании часто собирались важные гости. В столовой — большой длинной комнате — стоял очень длинный стол, за которым все эти гости и размещались. И вот по научению Коли, как только гости уходили в гостиную, мы прибегали в столовую и допивали те несколько капель мадеры, которые оставались в рюмках. Очень было вкусно!

С дедушкой Чолокаевым, который был вечно занят, мы практически не общались. Своих детей у него не было, а к нам он, видимо, был равнодушен.

А вот садовника Дворянского Собрания Апушкина, строгого дядю с совершенно лысой головой, мы почему-то боялись панически, хотя я не помню, чтобы он нас гонял.

Здание Дворянского Собрания было самым большим в Тамбове (после революции в этом здании разместился театр им. Луначарского). С началом войны половина здания была превращена в лазарет, и мы проводили в нем много времени. Раненым наше общество явно доставляло удовольствие.

А однажды в Тамбов приехал царь с царицей и принцессами.

В царя я был крайне разочарован: в доступной мне литературе царь всегда изображался в горностаевой мантии с короной на голове, с державой и скипетром в руках. А тут выходит из автомобиля невзрачный человек в солдатской (даже не офицерской) шинели с одним Георгием на груди. Вот так царь! Очень обидно было!

Чем царь занимался в Тамбове — не знаю, а царица с принцессами ходили по лазарету и вручали раненым ладанки (маленькие иконки).

Нас, конечно, в это время из лазарета вывели, но няня завела нас на антресоли, и оттуда мы наблюдали эту процедуру.

Лето мы каждый год проводили в нашем имении, в селе Кулеватово.

Усадьба наша в то время выглядела так. Большой двухэтажный дом в стиле “Ампир”. Справа над рекой Челновой — длинный одноэтажный флигель. Перед домом — тенистая площадка, на краю которой росла карликовая ель. За площадкой заросли сирени, а за ними конюшня. Левее конюшни скотный двор, на котором содержалось стадо коров шведской породы. Прямо против дома, правее конюшни, — вход в Софьин сад — сад, посаженный нашей прабабушкой Софьей Андреевной. Правда, назван он был не в честь Софьи Андреевны, а в честь ее рано умершей дочери Софьи. А сама Софья Андреевна была энергичной хозяйственной женщиной.

Сад представлял собой треугольник. Именно представлял, а не представляет, ибо в 1939 году, в очень морозную и почти бесснежную зиму, все яблони вымерзли, а когда после войны колхоз захотел восстановить его, какая-то агрономическая комиссия дала заключение, что этот участок земли под сад непригоден. Так и остается там до сих пор вместо сада необрабатываемый пустырь. Треугольник этот был слева ограни-

чен упомянутой липовой аллеей, затем церковной оградой и далее живой изгородью из желтой акации. Живая изгородь поворачивала под прямым углом, образовывала основание треугольника и простиралась до коровьего прогона, идущего вдоль реки Челновой в сторону речки Тягли.

Сад был большой, что-то около шестисот яблонь. В правой его части, отделенной аллеей из ряда кустов барбариса слева и ряда душистых тополей справа, был огород. Огород состоял из вишенника, ягодника и собственно огорода с небольшой оранжереей.

С другой стороны дома — сравнительно небольшой сад-парк, с круглой площадкой, огороженной высокими елями посередине. За парком огромная рига, а за ней птичник. Влево вешняк, через который в полую воду спускали излишнюю воду с верхнего пруда и за ними кирпичная мельница на два постава и деревянная крупорушка с толчайей.

Доходную часть имения составляли: три тысячи десятин земли, включавшие в себя пахотные земли (где выращивались в основном рожь, просо и овес), луга и лес “Бор” по левую сторону реки Тягли. Собственно доходной статьей было зерно, молочная ферма с маслобойней, расположенной во флигеле (бруски масла весом в один фунт с большой буквой “Д” поставлялись даже в Елисеевский магазин Москвы). Также мельница с крупорушкой, где мололи зерно и рушили на пшено просо все окрестные села. И наконец сад, который раз в два года давал богатейший урожай отличных яблок.

Конечно, содержание такого имения тоже стоило немало, поэтому все мужчины работали на разных должностях и в разных городах и в основном жили на свое жалование, получая из имения некоторую помощь продуктами.

Имением до 1915 года управляла бабушка, а после ее смерти — младший ее сын дядя Илюша, а перед революцией наша мама.

Бабушку я помню довольно смутно. И почему-то только на крыльце дома за утренним чаем: полная, в сером платье, у самовара. На столе традиционные сметанные печенья — белые и черные. Белых я после не встречал, а черные и сейчас бывают в булочных, только размером раза в два больше, десять копеек за штуку. Конечно, домашние были вкуснее.

Вообще о лете 1915 года воспоминания у меня отрывистые и довольно смутные. Помню, например, как мужиков на войну провожали. На площади у церкви подводы стояли, на них мужики сидели, а кругом плачущие бабы (не знаю, но, может быть, это еще 14-й год).

В общем, ничего стоящего за лето 15-го года я не запомнил, так что и писать нечего.

В 1916 году в Кулеватове народу было много: во-первых, семья дяди Володи — тетя Ольга и их дети; семья дяди Илюши — сам дядя Илюша с двумя детьми — Федей, ровесником Лели, и Таней, на год младше меня. Первая жена дяди Илюши тетя Аня умерла еще в 1915 году, и я ее еле помню: нечто голубое и доброе. А в 1916 году дядя Илюша привез в Кулеватово молодую жену — тетю Катю Сергеевну из семьи Моршанских адвокатов Поповых.

Кроме родственников, гостили в Кулеватове различные друзья. Помню Иванцова, кажется, Сергея, какую-то даму во всем черном, за что ее так и звали Черная Дама, и какую-то девушку Лелю. Иногда заезжал Сосновский помещик Кони (Константин) Бенкендорф.

Когда было много гостей, кое-кто жил даже в обычно необитаемой большой Данзасовской комнате (на первом этаже под столовой). В этой комнате застрелился гостивший у нас Данзас (кажется, секундانت Пушкина), и поэтому мы боялись появления в ней привидений.

С Черной Дамой у меня случился один казус. На втором этаже дома был длинный коридор, и примерно на половине его находилась дверь, а за ней уборная. Она была глухая, без окна, и света в ней не было. Вот как-то сижу я на стульчаке по большой нужде. Вдруг дверь открывается, входит Черная Дама и пытается сесть на стульчак, а я ей навстечу руки протягиваю. Не помню, за что я ее ухватил, но она с диким воплем выскочила из уборной. Потом дядя Илюша все расспрашивал подробности этого происшествия.

Вообще эта уборная мне на всю жизнь запомнилась: рост у меня был такой, что ручка двери приходилась на уровне моего лба. Как-то я бежал по этому коридору, а кто-то выходил из уборной, открывая дверь навстречу мне. И угодила ручка прямо мне по лбу. В общем, рев, кровь и т.п., а шрам остался у меня на всю жизнь!

Взрослые много играли в теннис перед домом, а мы играли в основном в парке. Там правее дома рос огромный кедр, и под ним иногда находили шишки. Судя по тому, какие огромные были шишки, это был, наверное, корейский кедр. Но не исключено, что шишки были нормальные, сибирские, а я был маленький. Все познается в сравнении! За кедром были остатки зимнего сада, к тому времени уже давно ликвидированного. От него остался деревянный балкон с прогнившим полом, и потому нам категорически запрещалось туда ходить. Но

иногда под водительством Феди мы все же забирались туда, совершая, так сказать, “героические походы”.

Любили мы играть и под сосной — на площадке на высоком берегу Челновой, где росла сосна, под которой была большая скамейка. С взрослыми мы часто ходили к мельнице. Как выходишь из парка — слева большой амбар и по бокам две собачьи будки, и на цепях около них огромные серые собаки. В левой — Арап, в правой — Мальва. Арап был, как казалось, очень злым, и, когда мы выходили из парка, он с лаем рвался с цепи. И вот однажды Арап с этой цепи сорвался, бросился к нам и... стал с радостным видом носиться вокруг нас, пытаясь лизнуть в лицо. Так что “страшный”, “свирепый” Арап, когда обрел свободу, оказался милейшей собакой. А Мальва и на цепи была собакой благодушной. Помню, у нее щенки появились. Мы, конечно, играть с ними начали, и Мальва, хотя и беспокойно себя вела, но никогда не позволяла себе рычать на нас.

Перед мельницей был вешняк, через который бурно бежала вода с верхнего бьефа. Ниже вешняка огромный глубокий омут. Помню, отец с матерью (папá и мамá) ловили на удочку подлещиков в омуте. Отец, по-видимому, в отпуск приезжал. Так папá и мамá сидели на берегу с удочками, а мы с Лелей играли рядом на песке. И пришла нам в голову идея засыпать омут. И стали мы пригоршнями носить песок и сыпать в омут. В какой-то момент я подошел к самому берегу посмотреть, не появилась ли насыпь. Берег обвалился, и я оказался в воде, где меня тут же подхватило течением. К счастью, мне под руку попался корешок росшей невдалеке ветлы, и я инстинктивно за него ухватился. Отец бросился ко мне и тут же извлек на сушу. В общем, омут мы так и не засыпали: времени не хватило, так как после этого купания нам категорически запретили подходить к берегу.

Из “трагических” случаев на воде запомнился еще один: на селе наши родители очень дружили с Оксей, до замужества работавшей в имении. У нее было двое детей: Анютка, на год старше меня, и Алешка, младше меня на год. Как-то около купальни, где стояла лодка, девочки решили покатать нас с Алешей.

Мы забрались в лодку, а они — Леля с Анюткой — принялись за длинную цепь то отталкивать ее, то притягивать обратно. В один из разов они сильно оттолкнули лодку, а цепь не удержали. И лодка поплыла к середине реки. Алешка с перепугу стал из нее вылезать. Я бросился к нему, схватил его за руки, а в лодку втащить сил уже не хватило. И вот картина: плывет по течению лодка, а в ней два ревуших младенца, один

в воде по грудь, другой в лодке держит того, что в воде. А на берегу две ревуших девчонки. Конечно, кто-то из взрослых услышал, быстро разделся, догнал нас вплавь и “спас”.

Больше ничего как-то запоминающегося в 1916 году не было.

А осенью мы с мамой уехали в Москву. Во время пути где-то нам навстречу шел скорый батумский поезд. И вот мне на ряд лет запомнилось, что самый скорый поезд — это скорый батумский.

В Москве мы поселились в семье Лопухиных, т.е. у матери нашей мамы. Дедушки Лопухина уже не было, он умер раньше, и жила тогда бабушка, высокая, худошавая и строгая женщина, которую мы немного боялись. Ее младший сын — дядя Миша, офицер-кавалерист, и две девушки, младшие дети — тетя Женя и тетя Таня.

Дядя Миша был высокий и красивый. Забегая вперед, я расскажу его историю: после Октябрьской революции он участвовал в каком-то заговоре, имевшем целью освободить царя. Его арестовали, и он был приговорен к расстрелу. Его старшая сестра тетя Анночка Голицына дошла до Дзержинского. Она несколько лет спустя говорила моему отцу, что они сперва говорили, а потом кричали друг на друга, но у нее осталось о Дзержинском впечатление как о замечательном человеке. В отношении дяди Миши: к нему на свидание приходил один известный деятель — Смидович — и сказал ему, что если он даст честное слово, что больше не будет выступать против Советской власти, он обеспечит его освобождение.

Дядя Миша честное слово дать отказался и был расстрелян.

Но это было уже чуть позже.

Я любил тетю Женю, она была очень добрая и с удовольствием с нами занималась. У нее было круглое лицо и пышная темная шевелюра. Тетя Таня была блондинка с продолговатым лицом. Мы ее особо не интересовали.

II. Революция

Очень ярко помню: Леля и я с няней Феклушей гуляли во дворе, и вдруг в небе появились аэропланы, которых до этого я вообще не видел. Самолеты летели, и из них что-то сыпалось (листочки, конечно). Этим для нас началась февральская революция.

И еще воспоминание: Владимир Голицын, мой двоюродный брат, уже взрослый, рисовал нам всякие военные эпизо-

ды: бегущих немецких солдат в островерхих шлемах, пушки и новинку — тогдашние танки. Потом с фронта приехал Владимир Матвеев, сын моего дяди Кеки. Он показал фотографии этих танков, следы их гусениц и солдат в окопах. И, конечно, главное — он подарил мне немецкую офицерскую каску.

Вообще мы часто бывали в гостях, больше всего у Голицыных, у тети Анночки (старшей сестры мамá). У них было шестеро детей: старшие Линочка и Владимир, затем Сонечка, а за ней Сергей — ровесник Лели, Машенька, моя ровесница, и совсем маленькая Катя. Владимир — художник, как я уже упоминал, часто рисовал нам картинки, а с Серсжей и Машей мы играли.

Несколько реже мы бывали у Трубецких, у тети Маши, средней сестры мамá. Она была очень красивой (так она мне вспоминается). Из детей я помню только одного — Алешу. О Трубецких запомнилось другое: у них был автомобиль, что в те времена было большой редкостью.

Старшие братья мамá — дядя Николай и дядя Алеша — запомнились слабо.

Весной 17-го года мы уехали из Москвы в Кулеватово и больше с основной частью наших родственников уже никогда не встречались, так как сразу после Октябрьской революции бабушка с дядей Колей, Женей и Таней уехали на восток, думая переждать заваруху в Сибири, и оказались в тылу армии Колчака. При ее отступлении доехали до Харбина, а потом перебрались во Францию. Вместе с ними уехала туда и семья Трубецких. В общем, в Москве остались Голицыны и дядя Алеша с тетей Тэсей и малолетними детьми, а также наш троюродный дядя Владимир Трубецкой.

В Кулеватове вроде ничего не изменилось. Также были какие-то гости, приехала тетя Оля с Колей и Катей. Сергей учился в Тамбове, и не помню, был ли он в Кулеватове в то лето. А затем появились и дядя Илюша с молодой женой тетей Катей, Федей и Таней.

Нам, детям, было очень весело. А один раз из-за нас с Таней был целый переполох: мы с ней зашли за пределы парка, к большому мосту через Челновую и обнаружили там яму, из которой брали песок. И решили мы с ней строить пещеру в стенке ямы голыми руками. И, конечно, так увлеклись этим делом, что забыли о времени. Время к обеду подошло — а нас нет. Взрослые бросились кричать, бегать по парку, а нас нет!

Наконец обнаружили нас в этой яме, привели домой, ну и всыпали мне как старшему (мне уже шесть, а Тане всего не то четы́ре года, не то пять лет) по первое число. Бить у нас

принято не было, но как-то наказали, кажется, без сладкого оставили, хотя я никакой вины за собой не чувствовал.

Поскольку дядя Илюша обосновался в городе Моршанске, управление имением перешло в руки моей матери. Это отнимало у нее так много времени, что нами ей заниматься было некогда, и мы обладали большой свободой.

А в сентябре приехал из Минска папá, и тут я начал общаться к новому делу — охоте, что с тех пор стало моим увлечением на всю жизнь.

Как сейчас помню первую охоту. Мы пошли с отцом на лужок за рекой Цной, под высоким берегом, называвшийся Попова поляна.

Со стороны высокого берега вдоль него шла заболоченная полоса. А в ней водилось много бекасов. Отец шагал по болоту, а я чуть сзади по берегу. Вылетали бекасы, отец стрелял, и хоть и не всегда, но часто бекас падал. Уж тут в дело я включался, подбирал убитую дичь. Если бекас был только ранен, отец ударом головки о приклад ружья добивал его и передавал мне. Я их за шею брал и носил. Помню как-то от долгого ношения за шею у одного бекаса шея до кости протерлась. Отец заругал меня, предположив, что я бекаса палкой по шее бил. Я тогда очень обиделся от такой несправедливости.

Осенью стало беспокойно. Пошел слух, что кругом громят и жгут помещицьи усадьбы. Как-то пришли к нам по поручению схода трое мужиков посоветоваться, как быть:

— Кругом помещиков громят, и если, говорят, вы сами своих не разгромите, мы придем.

А к этому времени мамá подготовила полный перечень нашего имущества и сказала тем мужикам, что имущество это теперь общественное и как общество крестьян распорядится, так и будет. Так что и громить имение не надо!

Собрался у нас перед домом сход крестьян (так тогда называлось общее собрание). Были бурные дебаты, после которых пришли к выводу, что надо организовать торги, все продать, а деньги поделить “по едокам”, т.е. по количеству живых людей в семьях. Так же поделить по едокам и земли. На сход отца пригласили и спросили его, что он думает делать. Он сказал, что считает себя членом Кулеватовского общества и просит выделить ему нормальный надел земли и соответствующее количество инвентаря. Решением схода нам отрезали кусок земли около сада, выделили три лошади, три коровы, двадцать овец, свинью супоросную, а из инвентаря — плуг, соху, пару борон, жатку и еще что-то по мелочи.

По весне отец поехал пахать свой надел. Пахарь он оказался неважный. Пахал параконным плугом, и то у него сбруя

путалась, то огрехи получались, а тут еще много любопытных набежало смотреть, как бывший барин землю пашет. Были и шутки, но больше дельные советы. В общем, с горем пополам четвертую часть ярового клина он все-таки вспахал, а когда утром пришел на свое поле, оно оказалось вспаханым и проторонованным. Это мужики кулеватовские ночью вспахали и, главное, сумели сохранить в тайне, кто пахал (только в 1961 году, побывав в Кулеватове, из разговора со стариками, мы узнали, что пахали друзья папá — Григорий Власич Заусалин и Яков Васильевич Неверов).

Летом такая же история с лугом получилась. Правда, утром, когда мы собрались и пришли на покос, мужики почти всем селом косили. Папа тоже скоро включился в ряд косцов. Общественный луг, куда шли мужики, был за каналом Перебойня, соединявшем болото Талы с Челновой, а наш луг был до Перебойни. Вот мужики по дороге на свой луг попутно и наш скосили.

Нам с мамá и Лелей осталось только ворошить сено, потом конными граблями собирать его в валки. Затем мы это сено копнили, копны возили на усадьбы и там с помощью нанятых мужиков возвели большой стог.

В последующие годы с сельхозработами мы уже сами справлялись.

Вообще папá дружил с очень многими мужиками, и на протяжении всей нашей кулеватовской жизни нас часто в гости приглашали на праздники, приглашали гостей и мы. В общем, мы стали равноправными крестьянами.

Хорошо запомнился день торгов. Они проходили на усадьбе. Руководители этого дела сидели на балконе, а весь народ на площади перед домом. Торги, помнится, были очень бурные, и шли они целый день — с раннего утра и до вечера. Распродали все, кроме трех экипажей: лондо (род кареты), неисправной коляски и какой-то пароконной фуры. Сколько помню, она стояла, и никогда на ней не ездили. В общем, осталось то, что для крестьянского хозяйства совершенно не к месту.

После того как развели по хозяйствам стадо шведских коров (много лет спустя, уже в 1961 году, когда я попал в Кулеватово, я обратил внимание, что много коров у отдельных крестьян и в колхозном стаде носят признаки шведской породы), лошадей, свиней, овец, а также сельскохозяйственный инвентарь, на усадьбе стало пусто.

Все это было в ноябре 1917 года.

Примерно в это время мы с Лелей впервые почувствовали, так сказать, “классовую войну”: когда мы появлялись на селе,

нас стали дразнить буржуями. Правда, продолжалось это недолго. С весны 18-го года, когда мы занялись настоящим крестьянским трудом, мы как-то уравнились со всеми и вскоре завели дружбу со сверстниками, никто нас буржуями уже не дразнил.

Вообще-то мы сильно отличались в худшую сторону от деревенских ребят по своим знаниям, по крайней мере, окружающей среды, и иногда над нами издевались. Например, помню, где-то посредине села тамошние ребяташки предлагали мне купить у них черного кобеля, который яйца несет. Я, дурак, поверил и побежал домой просить у мамы денег на столь ценное приобретение.

Мама денег мне не дала и объяснила, что ни одна собака в мире никогда яйца не несла, так как это только птичья привилегия!

Первым моим другом стал Яшка Илясов, по прозвищу “Коняев”, а затем Иван Козлов, по прозвищу “Буздан”. Среди считалок в коллективных играх была и такая: “Степа, лепа, требуха, съел корову и быка, семь штук поросят, одни хвостики висят”. И, естественно, поскольку меня Степой звали, прилипло ко мне прозвище — “Требуха”.

Что касается сельхозработ, то нам с Лелей доставалась, с моей точки зрения, неприятная работа — прополка огорода, проса и картошки. Работа эта у меня не спорилась: бывало, Леля уже к концу свою борозду доводит, а я до середины никак не дотяну. При этом Леля идет согнувшись, а я так не могу, я ползком работаю. Особенно с просом плохо: ряды узкие, а затаптывать всходы проса нельзя. Работая же ползком, это очень трудно.

III. Знакомство с ЧК

Летом приехал в Кулеватово дядя Илюша, а затем соседний помещик, морской офицер Константин (в обиходе Кони) Бенкендорф с супругой — Марией Сергеевной. У Бенкендорфа не было близких отношений с сельским обществом, как у нас, и его попросили убраться из своей Сосновки. Вот он и нашел у нас временное пристанище, что могло кончиться для него довольно печально. Как-то мимо усадьбы проехал грузовик с людьми по дороге из Тамбова в Моршанск, а через некоторое время мы услышали в той стороне, куда проехал грузовик, выстрелы.

Выяснилось, что ехало большевистское руководство Моршанского уезда во главе с председателем Уисполкома Лоши-

ковым, и около мостика, окруженного тальниками, их, и с ними шофера — всех перебили, кроме одного, некоего Фалеева, который рассказал, что при первых выстрелах прыгнул в кусты и сбежал. Много позже выяснилось, что Фалсеев — левый эсер, что убийство большевистского руководства подстроил он, договорившись с эсеровской бандой братьев Меркуловых, крестьян соседнего села Отьяссы. Во время Антоновского восстания он оказался в штабе Антонова, потом был пойман и расстрелян.

Но сперва было неизвестно, чьих рук это дело. А тут рядом бывшие помещики живут, в том числе граф Бенкендорф.

В общем, на второй или третий день приезжает отряд чекистов арестовывать взрослых мужчин, т.е. папá, дядю Илюшу и Бенкендорфа.

Я как сейчас помню: отец прощается с мамá, а рядом стоит Леля и плачет. Я стоял у окна и, кажется, около кровати с двухмрсячной Дарьей. Вдруг открывается дверь, и появляется голова в черной папахе. Посмотрел, ничего не сказал и закрыл за собой дверь.

Ну, посадили арестованных на подводы и повезли в Моршанск. Со слов отца, в Отьяссах их догнала еще одна подвода с арестованными. Один — Темяшев, бывший прапорщик, второй — Порфилев, секретарь Отьясского волисполкома.

В избе, около которой стояли подводы, были какие-то бурные дебаты, после чего начальник отряда Чуфырин вышел и приказал конвою с нашими арестантами ехать, а другой подводе задержаться. Поехали. Недоезжая десять верст до Моршанска, они услышали сзади два залпа. Старший конвоя подошел к дяде Илюше и сказал ему, что это расстреляли Телешева и Порфилева.

Много позже Чуфырин, уже не работавший в ЧК, жил в родном селе Ламках, заведовал там казенными садами. Народным судьей там служил брат жены дяди Илюши, Николай Сергеевич Попов. У него сложились с Чуфыриным хорошие отношения, и тот поведал ему следующую историю: ему было приказано арестовать братьев Давыдовых и Бенкендорфа и доставить их в Моршанск. В напутствие сказали: если побегут или сопротивляться станут, прикончить их на месте. Никто спрашивать с тебя не будет. Я, говорит, так и решил: чтобы не возиться, по дороге в Отьяссы расстреляю, и дело с концом! Пока они собирались, рассказывал Чуфырин, я заглянул к одному из них в комнату. Вижу — они с женой стоят, крестят друг друга, а рядом девочка плачет, во мне сердце упало, жалко стало, подумал: не стану расстреливать, доставлю в Моршанск. В Отьяссах представители ЧК обсуждали, как

поступить с арестованными. Настаивали на том, чтобы их по дороге расстрелять, особенно настаивал на этом Фалеев, но Чуфырин твердо заявил, что ему поручено доставить Давыдовых и Бенкендорфа в Моршанск, и он это исполнит. Так и сделал, а двух других арестованных по дороге расстреляли.

До войны, т.е. где-то в сороковом году, родители мои с младшими девочками жили в городе Дмитрове, а отец работал в Москве в Литературном музее. Как-то ехал он на работу, а напротив сидел какой-то старик. Он долго смотрел на папá, а потом спрашивает:

— Вы не Давыдов из села Кулеватово?

Отец подтвердил это. Тогда тот повторил историю с арестом и сказал на прощание:

— Что вы живы, скажите спасибо вашей дочери, она вас тогда спасла.

Этот старик был Чуфырин.

Пока отец сидел (месяца три), появился какой-то уполномоченный Дягилев. Мама в это время рубила мясо на котлеты огромным тяжелым ножом и с этимножищем выскочила встречать “начальство”. Он, говорят, растерялся и чуть не убежал. Он потом еще раза два был у нас. И сразу после отъезда в имение приезжал отряд сосновской милиции во главе со своим начальником Владимиром Тельновым (народ звал его Володька Тельнов) и устраивал обыск, причем забирали все подряд. Например, у мамá был набор ножниц для швейных дел, так и его забрали. Старую лисью шубу и еще что-то по мелочи. Но, главное, они опечатали нашу кладовую.

А потом начались вызванные подразверсткой крестьянские восстания. В Кулеватове дело ограничилось тем, что приехавший с фронта красноармеец по прозвищу “Конек” (имени и фамилии его я не знаю) пытался, довольно безуспешно, поднять молодежь. Хорошо его помню, он ходил с револьвером на боку и двумя гранатами на поясе. Одна — обыкновенная бутылочная, а вторая — видимо, иностранная. Это был коричневый шар, с одной стороны сужающийся и переходящий в трубку, и на конце ее был ремешок, которым он закреплялся на запястье. Шар был такой, что как раз входил в ладонь. Я помню это так хорошо потому, что Конек у нас на крыльце объяснял устройство гранаты некоторым взрослым и нам, ребятишкам. Потом Конек сделал доброе дело: распечатал кладовую, и мы с Лелей в первую очередь вытащили оттуда главные наши игрушки: плюшевого мишку и куклу с закрывающимися глазами.

А вскоре по селам появились карательные отряды. Конек сбежал в лес и месяца три жил там. Отряд, не найдя его, арестовал и расстрелял его брата шестнадцати лет. А Конек в лесу сильно простудился и вскоре умер.

После ареста отца на селе состоялся сход, на котором было написано ходатайство об освобождении отца, за которого общество ручается. Не знаю, это ли помогло, но вскоре всех троих освободили.

Когда отца выпустили, его на Волостном собрании выбрали заведующим волостным отделом народного образования и культурно-просветительской работы.

Перед Новым 1919 годом отец поехал в Моршанск, и там ему выдали мешок медовых пряников для проведения в селе новогодней елки. Каюсь, мешок был завязан слабо, и моя рука проникала через завязку.

Елка была устроена в зале нашего большого дома (елок, правда, в нашем лесу не было, ее заменила сосна). Заблаговременно под руководством мамá мы наклеили много бомбоньерок, цепей и тому подобного из цветной бумаги. У церковного старосты взяли свечи. Так что елка выглядела красиво, и на сельских ребятишек (да и на взрослых) произвела большое впечатление. И всем детям раздали пряники.

Вообще отец в качестве завволон и культпросвета развернул достаточно бурную деятельность. Во-первых, он прочел серию лекций на исторические темы. Я помню, когда он читал лекцию о декабристах, старые мужики почему-то весьма неодобрительно отнеслись к этому восстанию.

Затем он организовал народный театр в нашем доме на втором этаже (народным стал называться наш дом, в котором мы занимали три комнаты). Ставились в основном пьесы Островского. Я запомнил две: "Светит да не греет" (где главную роль играл папá, а главную героиню — Мария Сергеевна Бенкендорф) и "Лес". Режиссером был дядя Илюша. Он же в первой постановке "Леса" играл Счастливецва, а Несчастливецва — Петр Михайлович Шестаков, волостной военком (выходец из кулеватовских крестьян, бывший поручик царской армии). Последние постановки "Леса" из всех постановок имели самый большой успех, в частности из-за блестящего исполнения роли Счастливецва, которого играл кулеватовский парень Петька Минин. И вот не знаю почему, но когда уже взрослым я видел "Лес" в Малом театре, где Счастливецва играл Игорь Ильинский, я вспоминал спектакли в Кулеватове, и мне казалось, что там "Лес" был лучше!

В качестве завволон папá много времени посвящал организации библиотек во всех школах волости. Мне это дело

запомнилось потому, что в поездках по другим селам и деревням волости он часто брал меня с собой.

В феврале 19-го года мне стукнуло восемь лет, возраст в крестьянстве уже солидный, по крайней мере, в смысле сельхозработ. Однако времени хватало, особенно до прополочных работ в поле.

Автомобиль в те годы был еще редкостью, и когда по дороге Тамбов-Моршанск ехал автомобиль, ребятишки бежали на дорогу с криком "Танабель" и глазели на него.

Помню, услышали мы, что на Тамбов идет белая армия генерала Мамонтова. И вскоре по дороге из Тамбова в сторону Моршанска один за другим пошли автомобили. В основном грузовики, но попадались легковые. Грузовики были тогда без кабин. Ходили они небыстро, так что насмотрелись мы вволю. Кроме автомобилей ехали подводы и небольшие конные отряды, некоторые без оружия. Нам все это было интересно, но взрослые сильно беспокоились. Тем более, что конники безоружные ехали, оглядываясь назад, как будто казаки Мамонтова им чуть ли не на пятки наступали.

Наконец пришло известие, что Мамонтов оставил Тамбов и двинулся в западном направлении, т.е. не в нашу сторону. И сразу же потянулись автомобили, подводы, конники в обратном направлении.

У нас тогда новый мост через Челновую строил отряд военных мостостроителей. Так этот отряд тоже отошел было в сторону Моршанска.

Мост строить начали с осени 1918 года, и за зиму со льда в основном его построили. Ребятишек со стройки гоняли, но иногда я ходил туда с papà. Очень сильное впечатление произвела на меня паровая баба, забивавшая сваи.

IV. Весна

По весне самыми радостными событиями были половодье и Пасха. В 19-м году и в другие годы довольно часто эти события совпадали, и мне они всегда вспоминаются вместе.

На Пасху с самого утра всю неделю шел трезвон с колокольни церкви.

Надо сказать, что кулеватовские колокола отличались особым "благородным" тембром. Если в церквях окрестных сел основной звук главного колокола мог быть передан словом "бем", то наши колокола соответствовали слову "бом". И

слышны наши колокола были намного дальше других. Говорили, что при их отливке в расплав добавлялось серебро.

Колоколов основных было два — большой, в него били только по праздникам, и поменьше, для повседневного благовеста. Веревка от его языка спускалась до земли, и, чтобы звонить в него, подниматься на колокольню не требовалось.

Кроме того, была серия мелких колоколов для трезвона. В Кулеватове было много мастеров-любителей этого дела. Наиболее часто велся простой трезвон, который словами можно изобразить так:

— Тили-тили-бом!

“Тили-тили” — это говорили малые колокола, “бом” — это главный колокол.

В этот основной трезвон некоторые мастера вносили свои добавления — то в сам трезвон, то в частоту ударов главного колокола.

В общем за пасхальную неделю бывало так наслушаешься трезвону, что, когда он кончался, как-то пусто становилось.

Устраивали трезвон и в другие праздники, в частности на Николин день, престольный праздник нашей церкви, а также на Троицу и Рождество, но это все короткие трезвоны. Главный трезвон бывал только на Пасху.

На нашем конце основные гулянья бывали на мосту и на гати. Дело в том, что за Челновой дорога шла через заливные луга, и чтобы дорога могла функционировать круглый год от моста и до края заливных лугов, с незапамятных времен была отсыпана гать высотой метра три и шириной по верху из расчета, чтобы разъехаться двум подводам. По гати росли старые ветлы.

И вот по мосту и по гати гуляли разодетые парни и девки. Последние, как правило, в маленках разного цвета — розовых, желтых, оранжевых, синих, бордовых (маленок — это большой шелковый платок). Очень было красиво.

Половодье в обе стороны от гати разливалось километра на три, образуя сплошное море.

Вдоль гати мужики и бабы ловили бреднем рыбу. Водилами и оттяжками бредень привязывался к длинной жерди крепкими веревками. Мужик вел бредень за комель жерди, а бабы тянули дальний конец бредня за веревки. Ну а ведра под рыбу ребятишки тащили. Ребята, у которых бредней не было, ловили рыбу наметками (по-местному — накидками).

Мы, малыши, были главными “болельщиками” у рыболовов.

Кроме “боления” за рыболовов, много времени занимало наблюдение за ледоходом с моста. Перед мостом стояли ледорезы, чтобы не допускать крупные льдины до быков моста.

Интересно было, когда крупная льдина с размаху лезла на ледорез, разламывалась и уже меньшими льдинами уходила под мост. Иногда, когда подходила особо крупная льдина, она застревала меж двух ледорезов, образуя затор. Обычно следующие льдины, плывя на большой скорости, разбивали затор.

На Пасху мы брали из дому по несколько крашенных яиц. Играли мы с ними, во-первых, стучая яйца носками (более узким концом). У кого яйцо оказывалось разбитым, он отдавал битое яйцо победителю. Другая игра: в нее играли не столько мальчишки, сколько большие ребята и даже молодые мужики — это катание яиц по лубкам. Лубок устанавливался на гладкой площадке, иногда покрытой одеялом. Лубок укреплялся наклонно, градусов под 40-50. Каждый участник ставил по краю площадки по яйцу, а потом по очереди катали яйцо по лубку. Если яйцо попадало в лежащее на площадке, хозяин удачливого яйца забирал его и свое яйцо. Если яйцо, пускаемое с лубка, не попадало в лежащее, оно оставалось там, где остановилось. Так что число яиц, особенно в начале игры, быстро увеличивалось, но с ростом числа яиц увеличивалось и число попаданий. Так что удачливые игроки к концу игры (а она иногда целый день продолжалась) до двух десятков яиц выбивали себе.

На зиму тетя Ольга с детьми уезжала в Тамбов, а весной приезжала уже на постоянное жительство в Кулеватово с сыном Колей и дочерью Катей. Сережа, старший сын, был призван в армию.

Жила у нас Мария Игнатьевна Романова. Была она у нас в старое время поваром, да так с нами и осталась. У нее была дочь Нюша, так же как и Катя, гимназистка, и сын Санек, по возрасту между мной и Лелей. И вот Коля, Леля, Санек и я, ребята из близлежащих домов села — Митька и Виктор Козловы, Костюха Неверов, Ванюшка и Яшка, Гришка Кулик и некоторые другие — составили дружную компанию. Как стаял снег, начались общие игры, главные из которых — палочка-выручалочка и лапта. От старых времен у нас сохранилось несколько теннисных мячей, и первое время в лапту с ними играли, а когда их добили (рассчитаны они были на ракетки, а в лапту по мячу бьют палкой), перешли на мячи, свалянные из шерсти, почему-то коровьей, собранной по весне, в период линьки.

Кроме того, были и чисто мальчишеские игры, в шары и в луночки. Если игры палочка-выручалочка и лапта всем известны и в описании не нуждаются, то две последние игры, кажется, совсем забыты, поэтому вкратце опишу их.

На ровной площадке вырывается ямка сантиметров 20-30 глубиной и сантиметров 40 в диаметре. У игроков клюшки, вырубленные из молодых деревьев с толстым обрубленным корневищем. В радиусе, равном длине клюшки, выделываются лунки, на одну меньше числа игроков. Затем считалкой определяется водящий, а остальные занимают лунки в порядке номеров, опуская в них корни клюшек. Водящий своей клюшкой гонит шар в большую яму ("казну"), а каждый из занимающих лунку старается своей клюшкой отбить шар, не пустить его в казну. Если водящий сумеет загнать шар (обычно деревянный обрубок) в "казну", то последний по расчету игрок становится водящим, а его лунку занимает бывший водящий. Кроме того, когда игрок отбивает шар, он вынужден поднять свою клюшку из лунки, и если в этот момент водящий успеет сунуть в его лунку свою клюшку, то водящим становится тот, кто не успел вернуться к своей лунке, занятой бывшим водящим.

Луночки — это совсем простая игра: на ровной площадке роятся одна к одной неглубокие луночки, на одну меньше числа игроков. Каждый сидит у своей лунки, а водящий катит через них мячик. В чью лунку мячик попадет, тот хватается его и бросает в разбегающихся игроков. В кого попадет, тот становится водящим. Ни в кого не попадет, водящим сам будет.

А зимой у мальчишек были другие игры. Все мальчишки с семилетнего примерно возраста имели "биты". Это такие деревянные сигары с несколько утолщенной, но заостренной нижней частью. Длина бита равна длине руки владельца или немного больше, толщина в самом толстом месте примерно пять-семь сантиметров.

Игра с битами было две: во-первых, с размаху бросали биты на нетронутую поверхность снега и смотрели, чей дальше поскачет. Когда хорошая пороша с рыхлым снегом, иной раз глядишь — бит то выскочит на поверхность, то под снег уйдет.

Чтобы бит лучше скользил, его головку на морозе окунали в воду, и на поверхности образовывалась тонкая ледяная корочка.

У меня был очень хороший дубовый бит, который мне сделал на мельнице плотник.

И без игры приятно было идти и запускать бит вперед.

Вторая игра — в казанки. Казанок — это такая косточка из ноги копытных, которая хорошо стоит.

Я помню, однажды за миллион рублей (тогда эта красненькая миллионная бумажка была мелочью) купил целый мешочек казанков.

На накатанной дороге устанавливались в ряд казанки (каждый ставил по одному или по два), и с определенного расстояния пускали бит. Попадешь в казанки — те, что выбил, твои. Не попал — ставь казанок.

Иногда в казанки играли и летом, но вместо бит употребляли железки в форме кресал, только побольше размером.

Когда зазеленеют луга, отправлялись за мост, на Отыясский луг, где среди травы рос лук-слизун (мы его по ботанической неграмотности чесноком звали). Очень вкусное растение. Кроме слизины, и не только на Отыясском, но и на других лугах собирали “кочетки” — это стебли щавеля с бутонами. До цветения стебли еще не жесткие и вкусные. По бурьянам собирали и с наслаждением ели хорлупу (как мы называли свербигу) и бахчевой купырь — молодые стебли дикого пастернака. Ели и стебли молодого чернобыльника, но это растение особой популярностью не пользовалось.

В половодье на луга вместе со льдинами выносило куски сплавины, заросшие тростником, а чаще рогозом (по-местному, кугой). Многие из этих плавающих островков обсыхали на мелководьях. И была в этих обсохших кочках прекрасная еда — купыри. Это корневища тростника и рогоза. Корневища тростника назывались сахарным купырем, а рогоза — просто купырем. Сахарный купырь, пока он еще сырой, мы жевали, высасывая сладкий сок, а остальное выплевывали. У рогозового купыря под тонкой шкуркой находится слой мякоти ватной консистенции, а за этим слоем жгут нитей, покрытых слегка сладковатой крахмалистой мукой. Вот эти жгуты мы потом тоже жевали, муку съедали, а выжатые нитки выплевывали. Купыри вкуснее всего были печеные, поэтому, когда кочки совсем высыхали, мы их поджигали, а потом выбирали обжаренные купыри.

Уже позже, в 1921 году, после очень голодной зимы мы с Лелей собирали купыри, середину сушили и обмолачивали сухие ветки. Получалась мука, из которой Леля пекла вкусные, немного сладкие лепешки. К сожалению, весь процесс был излишне трудоемок, да и купырей много надо было, так что эти лепешки делались в весьма ограниченном количестве.

В общем, с наступлением лета все младшее поколение села в значительной степени переходило на подножный корм.

А потом поспевала земляника в лесу и клубника на лугах.

У нас в старом саду (парке), недалеко от зимнего сада, росло несколько деревьев турецкой ягоды (значительно по-

уже, уже взрослым, я узнал, что турецкой ягодой в Кулеватове называлась ирга), которую объедали исключительно ребятишки, в том числе, конечно, я, Леля, Санек и другие члены нашей компании.

Собственно, это все относится не только к 19-му году, но и к двум-трем последующим годам.

Я уже говорил о возвращении в Кулеватово тети Ольги с детьми, но с нашей детской точки зрения, главным было то обстоятельство, что вместе с ними прибыл Куцик (так звали маленькую лошадку — пони буланой масти). В Тамбове его нечем было кормить, и хозяйева, знакомые тети Ольги, попросили временно взять его в село. И прожил у нас Куцик года четыре или пять, пока хозяйева не потребовали его вернуть.

В начале 1919 года начался у нас соляной голод. Но стало известно, что в заволжском озере Эльтон соли много, и бери ее, сколько хочешь. Тогда многие мужики решили ехать на Эльтон за солью. Это от Кулеватова километров семьсот по проселочным дорогам. К отцу пришел один безлошадный мужик и попросил лошадь с санями за одну треть привезенной соли. Отец дал ему красивого рыжего мерина — “Рыжика”.

Дорога дальняя, и хотя выехали в середине зимы, но благодаря очень ранней весне на обратном пути попали в распутицу. На Эльтоне оказались целые бурты соли — грузы, сколько хочешь, бесплатно. А мужики народ жадный, нагрузились — только бы увезти! И вот распутица. Снег сходит, лошади сани по земле еле тянут. Пришлось дорогой соль продавать по дешевке. В общем, притащил Рыжик всего шесть пудов, и два из них досталось нам. Помню, она была в грубом мешке и слегка розового цвета. А Рыжик пришел таким худющим, заморенным, что на ногах еле стоял. И несмотря на заботу, хороший корм (молодая трава вскоре появилась), он все же подох месяца через два.

Осталось у нас две с половиной лошади: очень старая кобыла Летуниха, карий мерин (его так и звали Карий) и поллошади — пони Куцик.

Для Куцика были специально сделаны маленькая тележка и сани.

В конце зимы приехала к нам из Москвы двоюродная сестра отца тетя Анна Белявская. Она приехала к нам в очень тяжелом моральном состоянии, так как у нее только что умер муж и расстреляли единственного и горячо любимого сына — Володю Белявского. Незадолго до конца войны он окончил университет и как большой патриот России ушел добровольцем (вольноопределяющимся) на фронт. Когда война кончилась, он вернулся в Москву и занялся какой-то “контррево-

люкционной деятельностью”, за что был арестован. Тогда был объявлен “Красный террор”, и в качестве заложников арестовали, а потом по мере надобности расстреливали всех заподозренных в нелояльности к Советской власти. Эти подробности уже не собственные воспоминания, а то, что улавливалось из разговоров взрослых.

Тетя Анна привезла с собой фронтовые дневники Володи и вечерами читала их нам с Лелей. Дневники были, видимо, не очень интересными, так как я из них запомнил только один эпизод: поймали немецкую шпионку — школьную учительницу и приговорили ее к повешению. Перед виселицей она стояла и кусала губы. Почему-то именно эти губы мне запомнились.

Потом тетя Анна решила учить нас французскому языку, и тут выяснилась моя полная неспособность к языкам, что стало впоследствии поводом к многолетним весьма прохладным нашим с ней отношениям.

Весной уехал Бенкендорф — его призвали на флот как морского офицера. Потом Бенкендорф служил в Наркоминделе, поехал в командировку в Лондон, да там так и остался. В Лондоне жила его мать, женщина, говорили, богатая. Своей жене Марии Сергеевне, оставшейся в Союзе, он обеспечил довольно большую ренту, но после девальваций она превратилась в копейки, и умерла старушка в бедности.

Уехал и дядя Илюша, сперва в Моршанск, в уездный театр, а затем в Москву, где поступил актером в какой-то хороший театр. Судя по его режиссуре и игре в Кулеватовском народном доме, он был хорошим артистом. К сожалению, прожил он в Москве недолго. В 1923 году он скоропостижно скончался прямо на сцене.

В гости к отцу приехал его сослуживец по Минску Игорь Владимирович Ильинский (не актер Малого театра, а совсем другой). В Минске они служили в каком-то учреждении при фронте: папá, Игорь Ильинский, Алексей Толстой (писатель) и еще несколько человек.

Игорь Ильинский запомнился мне тем, что привез с собой винтовку. Помню, на огороде на колу укрепили кормовую свеклу, и он разбил ее пулей вдребезги. До сих пор перед глазами, как она разлетелась в разные стороны.

Перед мостом на Челновой был широкий плес, и в солнечные дни по нему плавали огромные голавли. С моста нам они хорошо были видны. И Ильинский стрелял в них из винтовки, причем без всякого вреда для голавлей. От удара пули о воду поднимался высокий столб воды, а голавли благополучно скрывались. Несколько лет спустя, став охотником, я прочел,

что целиться надо не в голавля, а значительно ниже, с учетом преломления лучей в воде.

Ильинский написал талантливую сатирическую поэму “Карл Маркс в России” или что-то в этом роде. Сюжет ее такой: услышав, что в России марксистская революция, Маркс встал из могилы и поехал в Россию. Ну, а пока он добирался до центра, с ним происходили всякие приключения, вызванные Российской революцией. Но Ильинский читал ее в узком кругу, куда дети не допускались. Лишь однажды мне удалось каким-то образом подслушать, как он читал эпизод, где Карл Маркс забрел в одно село, где еще жила бывшая помещица. Народ схватил подозрительного бородача и хотел его тут же прикончить, а помещица, которая знала немецкий язык, заступилась за него. И вот помню реплику из задних рядов: “Иван, Иван, не слухай их, убей и боле никаких!”

Потом эта поэма каким-то образом попала за рубеж и там была издана. Ильинского тут же арестовали и сослали куда-то на север Сибири. К нему туда часто приезжали жена и дочь Ляля (Ляля Ильинская дружила с Лелей и Сережей Голицыным, о чем он упоминает в своих “Записках уцелевшего”).

А потом? Потом пришли незабвенные тридцатые годы...

Приезжал на побывку Сергей, сын тети Ольги. У него был револьвер-наган, и он из него тоже по голавлям стрелял, с тем же успехом, что и Ильинский.

К концу 19-го года в нашем доме остались только наша семья, семья тети Ольги, Мария Игнатьевна с Нюшей и Сенькой и тетя Анна. Она начала приходить в себя, чему очень способствовала ее привязанность к полуторалетней Дарье.

Осенью отца снова арестовали, но уже не по какому-либо конкретному обвинению, а в качестве заложника. Как и при предыдущем аресте, на селе собрался сход и постановил ходатайствовать об освобождении отца, за которого сход ручается. Постановление послали в УЧК, и, видимо, по этой причине довольно скоро отца отпустили.

В начале 20-го года отца призвали на военную службу как прапорщика запаса. Правда, вскоре он вернулся, так как врачебная комиссия нашла у него порок сердца. К моей великой радости, из Тамбова отец привез щенка лаверака, которого он назвал Армидой. У меня в это время был беспородный пес Калхас, веселый, добрый, но и не очень умный, а у тети Ольги была отвратительная злобная собачонка — короткошерстный фокстерьер Бетси. Бетси маленькая, а Калхас большой, длинноногий, и когда у Бетси начиналась течка, бедный Калхас, безуспешно пытаясь овладеть ею, так накалывал о ее корот-

кую шерсть свое брюхо, что шерсть у него на животе и спина у Бетси становились красными от крови.

Когда Армиде исполнилось шесть месяцев, повели ее в луга, где было тогда много перепелов, и, к нашей с папá радости, она сделала стойку на первого же перепела. Так что охотничий инстинкт предков оказался у нее очень силен. А дальнейшая натаска скоро сделала ее настоящей охотничьей собакой.

V. АНТОНОВЩИНА

К весне 20-го года пошли разговоры об Антонове и поднятном им восстании. Он, левый эсер, создал крестьянскую армию, и к нему присоединялись целые села, что в разгар действия продразверстки и продотрядов было понятно. Мой отец на селе пользовался непререкаемым авторитетом. Поэтому мужики обратились к нему за советом: вступать в Антоновскую армию или нет. Отец объяснил, что рано или поздно Антоновское восстание подавят, что перспектив у него нет никаких и вступать в армию Антонова ни в коем случае не следует. Результат был тот, что в армии Антонова не было ни одного жителя села Кулеватово.

Наш большой Софьин сад стал общественным, и управлять им был призван агроном. Как он им управлял, не знаю. У агронома было два сына: Лева и Олег. Лева моего возраста, Олег на год младше. А в Софьином саду была аллея, по одну сторону которой росли кусты барбариса, а по другую — душистые тополя. Мы там играли, и Олег, сославшись на авторитет отца своего, сказал, что сок листьев этого тополя улучшает зрение (может, это и так, если знать, как его получать и применять), и мы все трое натерли глаза молодыми листьями. Господи, какая же боль в глазах поднялась! И вот видят родители, как из сада мчится наша троица с ревом на всю усадьбу. Пришлось мамá потрудиться, пока она мне не отмыла глаза. Агрономше нагрузка была в два раза больше: у нее два сына — дурака!

Не помню точно, с 19-го или 20-го года я начал приобщаться к рыбной ловле. У мамá была большая катушка с толстыми нитками, служившими леской. У нее же имелись крючки. А на реке Челновой, недалеко от дома, была купальня, и около нее всегда крутилось много уклеек, что и было моей первой добычей. Дальше — больше: пошли красноперки, плотвички (по-местному, красноглазки) и другая мелочь.

С этого же времени мы начали и плавать. Сперва на мели, потом на пару метров от мели вглубь, а к концу лета, следом за Колей и Лелей, начали переплывать Челновую и мы с Саньком.

Однажды летом 20-го года мы увидели, что от Отыясской гати движется какая-то бесконечная масса верховых и подвод. Это двигалась колонна Антоновцев. Взрослое население предпочло попрятаться, а мы, мальчишки, наоборот: высыпали на обочину большой дороги.

Всадники ехали вместо седел на подушках, все с винтовками, кое у кого были и револьверы в кобурах, а на ремне через плечо — сабли. На некоторых подводах стояли пулеметы. Поскольку ничего подобного прежде видеть не приходилось, очень было интересно смотреть. Вдруг в начале села, напротив церкви, поднялись дым и огонь. Это Антоновцы подожгли Волисполком. Колонна бандитов, как называли Антоновцев, шла, наверное, около часа. И, надо сказать, двигались они строго повзводно, из рядов не выходили и грабежей не было. Даже проходя мимо усадьбы нашей, никто туда не заглянул. Около сгоревшего Волисполкома стоял памятник царю Александру II. Не помню, то ли Антоновцы, то ли свои мужики, свалили этот памятник, а уж потом точно мужики разобрали пьедестал памятника на кирпичи. А куда чугунный бюст царский делся, не знаю.

После обмолота зерна под веялкой всегда скапливалось много семян лебеды и свекольника (с примесью зелени). Обычно этот отход скармливали курам, а тут сметливые мужики начали эту лебеду засыпать в отдельные лари, на всякий случай. Хранили также мякину. И верно: осенью стало ясно, что хлеба до весны не хватит, и при перемоле в зерно стали добавлять кто лебеду, кто мякину. Хлеб с лебедой имел темный, зеленоватый цвет. А на вкус вполне приличный. Хлеб с мякиной был светлее, но в нем ости много было, да и по вкусу он уступал тому, что с лебедой. Пекли хлеб и с тертой картошкой, у кого ее было достаточно.

Как-то осенью со стороны Отыяс появилась колонна бандитов. Те же подушки вместо седел, но оружие разнообразнее: много обрезов, кое у кого охотничьи ружья. Говорили, что это какая-то Маруся на соединение с Антоновым идет. У этого не менее многочисленного воинства дисциплина была уже не та, что в Антоновском войске: на селе грабежи начались, правда, в основном жратву забирали и меняли (в принудительном порядке) своих заморенных большими переходами лошадей на крестьянских, забирая тех, что получше. Не знаю, почему, но подушка плохо защищает холку лошади. И у оставленных

лошадей холки оказались сбиты и так потерты, что страшно было смотреть. Конечно, постепенно их вылечили, и у некоторых мужиков лошади стали лучше прежних. Но это заживление шло очень медленно, и в тот засушливый, а следовательно, бескормный год многим пришлось особенно трудно.

В конце года родилась моя сестра Аграфена, и мамá надолго и тяжело заболела. Зима 20-21 гг. запомнилась тем, что было голодно. Хлеб с лебедой, да и то не вволю, как раньше; картошка мелкая, и чтобы отходов меньше получалось, варили только в мундире. Мяса с осени еще порядочно было. Свинью и овец пришлось зарезать. А потом мясо практически кончилось. Изредка отец с охоты приносил зайца. Но из-за засухи и их мало стало.

В целях борьбы с бандитизмом появился у нас отряд ЧОН во главе с командиром Качурой. Так этот Качура хуже бандитов был. И грабил и пьянствовал. А как-то, переодевшись бандитами, чоновцы поймали трех парней и стали допрашивать, за кого они: за красных или за бандитов. Что ответить? Один говорит: мы за партизан (так себя Антоновцы называли), их и расстреляли. Надо же что-то в актив записать! Потом все-таки о художествах Качуры дошло до УЧК, и его самого расстреляли.

В 1946 г. мы с женой работали в Голодной Степи. К нам с инспекторской проверкой приехал зам. главного инженера нашей организации Николай Яковлевич Золотарев. И вот как-то он сказал, что он в моршанском уезде воевал с бандитами в отряде ЧОН. Я спрашиваю: “У Качуры, что ли?” “Да, а вы откуда знаете?” “А я из Кулеватова, где вас хуже бандитов считали!” “Да, говорит, безобразий много допускалось, но время такое было”. Недаром говорят, что мир тесен.

Но вернемся в Кулеватова 21-го года.

Как-то зимой, ночью, в усадьбу въехал отряд бандитов. Они оцепили дом и пошли с обыском. Вошли в наши комнаты. Спрашивают у папá: вы судья Прокофьев? Папа говорит, нет, судья в другой половине дома живет. Тогда старший говорит: отставить обыск и ничего не брать. Из вещей и продуктов ничего не тронули. Только мою каску немецкую нашли. Отец говорит — это сына игрушка. Бандит с каской в руках ко мне (я спал на диване): подари мне каску, я в ней воевать буду! Ну что делать, хоть и жалко было, но пришлось подарить. Через год, когда добивали Антоновцев, ликвидировали одного из сподвижников Антонова — Чикмарева. Его в бою убили. Он был в немецкой каске.

А судью Прокофьева успели предупредить, он спустился в подвал, и его не нашли.

Как я уже писал, в Кулеватове никто к Антоновскому движению не присоединился. А вот в соседнем селе Верятино была создана целая банда. Как-то ранней весной эта банда налетела на нашу усадьбу. Она сожгла наш флигель, в котором помещался военкомат. Я в это время занимался у учительницы земской школы Валентины Ивановны (в селе было две школы: земская и церковно-приходская). Когда увидели пожар в усадьбе, занятия прекратились, и я побежал домой. И вдруг вижу: на дороге валяется в крови человек, одетый в точно такой полушубок, как у отца. Не помню, как я добежал до дома, как увидел живого отца, но долго не мог успокоиться.

Оказалось, что это труп заведующего мельницей Гусева, мужика из нашего села. Он принимал какое-то участие в работе по заготовке хлеба в Верятине. Когда он шел с мельницы и вышел на усадьбу, его остановили и сказали: теперь беги и не оглядывайся. Он побежал, а ему в затылок выстрелили из винтовки. Когда я немного оправился, мы с Саньком пошли посмотреть труп. У него в затылке была маленькая дырочка, а на пол-лица зияла огромная ранища. Сын Гусева приехал на подводе за телом только к вечеру, когда бандиты окончательно покинули село.

Наконец, уже в 21-м году, за Антоновское восстание взяли всерьез: прошла мимо нас, не останавливаясь, небольшая колонна буденовцев. С какой-то подводы упала попона. Как только колонна прошла, Яшка Коняев подобрал ее, притащил домой и потребовал от матери, чтобы она сшила ему штаны. Не помню, но, кажется, штаны из этой дерюги сшиты так и не были.

А потом пришел небольшой отряд Котовцев с пулеметами на тачанках и броневиками. Один — темно-зеленый “Ворон”, а другой — пегий, желто-зеленый “Ураган”.

Этот отряд расположился на несколько дней на нашей усадьбе.

Экипажи броневиков были в кожаных куртках и таких же штанах.

Командир “Ворона” — хороший дядька, приветливо с нами, ребятишками, разговаривал, правда, в броневик не пускал. Он был высокий и толстый, но, несмотря на это, лихо плясал под гармошку. А у “Урагана” командир был мрачный и ни с кем не общался.

Самым приятным был пулеметчик дядя Петя. Мы, ребятишки, целыми днями паслись на его тачанке. Он нам сказки и были рассказывал. Видать, соскучился за войну по детям.

Взрослые общались с командиром отряда, спокойным пожилым человеком, тоже в кожаной куртке, как у экипажей

броневиков. А комиссар, небольшого роста, в цветастой тубетейке, к нашим родным относился недоброжелательно: видимо, положение не позволяло общаться с “бывшими”!

Ушли котовцы. Им на смену пришел и поселился уже по селу небольшой дозорный отряд, в основном черемисов (так тогда звали не то марийцев, не то чувашей). Этот отряд установил наблюдательный пункт на колокольне нашей церкви. Оттуда хорошо просматривался казенный лес, что лежал за рекой Цной, примерно в пяти километрах от села. И вот с колокольни прозвучали выстрелы. Красноармеец-наблюдатель уверяет, что увидел верховых, выезжавших из леса. Какой же был конфуз и смех, когда выяснилось, что за конников этот герой принял баб с корзинами через плечо, ходивших в лес за грибами. Конечно, хождение в лес, где, безусловно, скрывались остатки банд, представлялось рискованным, но год-то был голодный, а когда в начале осени прошли дожди, появились грибы. А соленый гриб всегда был хорошим подспорьем!

Один раз даже тетя Ольга решилась, переехав Цну на лодке (мост в тот год не восстанавливался), пошла в лес за грибами со своей горничной Машей, сыном Колей, и я с ними увязался. И мы действительно встретили бандита. Он проскакал по лесной дороге на серой лошади, не удостоив нас вниманием. Одет он был в черный пиджак, и за спиной у него болтался кавалерийский карабин. После такой встречи мы с неполными корзинами подались к лодке и постыдно удрали домой.

Это был последний бандит, которого я видел. Дальше только рассказы слышал о ликвидации отдельных разрозненных банд. Да раза два слышалась далеко в лесу перестрелка из винтовок и пулеметов.

Рассказывали, что в доме лесника были окружены братья Меркуловы — Отыяские левые эсеры. Дом окружили, подожгли, и вдруг из двух окон выпрыгнули братья с наганами в обеих руках и, стреляя в красноармейцев, бросились в лес, но, говорят, были убиты. Эти братья Меркуловы поговору с Фалесвым расстреляли в 18-м году грузовик с моршанским уездным руководством, из-за него чуть не были расстреляны папá, дядя Илюша и Бенкендорф.

Кстати сказать, третий, младший брат Меркуловых Тимофей работал до революции у нас в кузнице. А в 21-м году, когда у нас в усадьбе стоял отряд красноармейцев, а в большом доме ставился спектакль, отца вызвали из-за кулис домой. Там его ждал Тимофей Меркулов с четвертью самогона и со словами: раньше мы с вами боролись, а теперь давай

выпьем! Отец говорит: ты с ума сошел, полный дом и двор красных!

— А я, — говорит, — никого не боюсь! Давай чем закусить.

Что-то отец достал и давай пить, а четверть — это же по-нашему три литра, а за отцом могли прийти, он же распорядитель в театре! И все же они эту четверть осилили. Тимофей, вскочив в свои санки, умчался, а отец, почти не опьянев, побежал наверх, произнес перед занавесом вступительное слово и, хотя с некоторым запозданием, занавес был поднят. В те годы отец и мать нам об этом не говорили и рассказали уже после завершения гражданской войны.

В 1990 г. я приезжал в Кулеватово, где встретил кое-кого из друзей детства. И вот один из них, Харлампий Иванович, рассказал мне, что недавно в Отыясы приезжал, оказывается, оставшийся в живых старший из братьев Меркуловых. При разгроме Антонова он сумел спрятаться и под чужой фамилией уехал в Среднюю Азию. И там выдвинулся даже в председатели Ташкентского Горисполкома. А в старости потянуло его на родину. Он побывал в Кулеватове, где с ним общался Харлампий. Погостив на родине с месяц, он уехал, сказав, что теперь и помирать можно!

К весне совсем голодно стало. Мука у нас кончилась, и пекли лепешки практически из лебеды. И вдруг приходит к нам посылка благотворительного общества АРА. Это большой ящик, а в нем продукты. Я, конечно, не помню всего, что там было. Запомнился большой пакет топиоки (это такая крупа из полупрозрачных зерен неправильной формы, ее делают из корнеплода маниока), металлическая банка с лярдом, несколько банок сгущенного молока (жидкого, без сахара) и еще что-то. Посылка эта была как нельзя кстати. Как она к нам попала, не знаю. Теперь, читая “Записки уцелевшего” С.М.Голицына, я подумал, что этому способствовала наша с Лелей двоюродная сестра Лина Голицына, которая работала в Московском агентстве АРА.

Потом была еще посылка из Нансеновского фонда. Эта посылка была поменьше аровской, а сгущенное молоко было с сахаром, такое, как у нас сейчас. Что нам особенно нравилось, в этом молоке попадались крупные прозрачные кристаллы сахара.

А с приходом весны стало сытнее: варили молодую крапиву, лебеду, а потом и щавель.

Мы, ребяташки, паслись на лугах и объедались слизуном, купырями и другими луговыми деликатесами.

Около церкви была мраморная часовенка с надписью “Гуленька”. Кто такая была эта Гуленька — не знаю. Отец тоже

не мог объяснить. Обнаружилось, что мраморные детали часовенки соединены между собой свинцовыми стержнями. Поэтому часовенка была кем-то разбита для добычи такого дефицитного материала, как свинец. Это ведь и материал для дроби-самокатки и отличные грузила, что позволяло ловить хорошую (в смысле более крупную) рыбу.

Незадолго до Пасхи арестовали нашего священника — отца Степана, а на его место временно прислали отца Александра.

Надо сказать, что многие кулеватовские мужики на зиму уезжали в Донбасс на заработки, а весной возвращались, и некоторые шахтеры привозили с собой патроны динамита, которые во время пасхального крестного хода вокруг церкви (около 12 часов ночи) вместо фейерверка взрывали — на безопасном, конечно, расстоянии. Отец Степан знал это и на взрывы не реагировал. А отец Александр так перетрусил, что крест уронил и сам чуть в обморок не повалился, чем очень шокировал верующих. Ясно, что авторитет отца Александра резко упал. К счастью, вскоре отца Степана выпустили, и к Троице он уже был дома и занял свое место.

Недалеко от церкви рос старый клен. Кто-то из мужиков подложил заряд динамита под его корни, и клен завалился.

VI. Нэп

Главное событие 1922 г. — нэп. Для нас это в первую очередь была аренда сада. В 20-м году садом, который числился за обществом, управлял присланный из Моршанска агроном, но ввиду беспокойности того времени, урожай практически растащили. Поскольку сады у нас плодоносили через год, в 1921 г. урожая яблок не было. 1922 г. ожидался урожайным, и в начале года сельсовет предложил отцу взять у общества сад в аренду. Цвел сад великолепно, и можно было ожидать хорошего урожая.

На селе снова открылся магазин Сибирского. Молодым человеком за какое-то преступление он попал на каторгу в Сибирь. Там, отсидев положенное, занялся скупкой у населения и перепродажей пушнины. Быстро разбогатев на этом деле, вернулся на родину в село Кулеватово, построил посередине села двухэтажный каменный дом, а на первом этаже открыл магазин. В первые годы Советской власти лавочку свою ему пришлось прикрыть, но с началом нэпа он сразу же воспрял духом. Несмотря на рассказы о его бурном прошлом, выглядел он довольно скромно: небольшого роста, щуплень-

кий, с белой окладистой бородой. Во всяком случае, на кулака, как их рисуют, он не походил.

А вот в селе Отъяссы, что в восьми километрах от Кулеватова, были настоящие кулаки. Эти сидели в своих лавках, жирные, с самодовольными рожами. Поскольку у Сибирского в лавке крючков рыболовных не было, мы с Саньком ходили в Отъяссы к этим жирным лавочникам за крючками.

Как и прежде, много времени отнимал огород. Он располагался вдоль Софьиного сада, за аллеей душистых тополей и упирался в вишенник. Что там выращивалось? Еще в дореволюционное время я помню грядки, на которых росли какие-то мясистые листья, похожие на алоэ, под названием не то кардан, не то катран. Эти толстые листья росли прямо из земли, стеблей не было. Их отваривали и ели, как спаржу, но спаржу мы любили больше. Большая грядка спаржи, растения многолетнего, обеспечивала нас по весне отличной пищей до самого отъезда из Кулеватова.

Росли там также редиска, морковь, репа, сахарная кукуруза. А тетя Ольга привезла из Тамбова новинку — помидоры. Они быстро распространились по селу как от нас, так и от шахтеров. Последние привезли их семена под названием баклажаны. Под таким названием эти помидоры до сих пор разводятся. Были, конечно, огурцы, укроп и прочая мелочь.

В середине огорода росло несколько кустов крыжовника и красной смородины. Черной не было. В те времена ее у нас разводить никому и в голову не приходило. Хватало дикой, что росла вдоль Тягли, а также в Заречке и вдоль других лесных речек и болот. За крыжовником был ягодник, на котором росло два вида клубники: шпанка, крупная (но мельче современных культурных земляник), круглая, очень сладкая и с ароматом полевой клубники, и ананасная, мелкая, красно-оранжевая, кисленькая и очень душистая — как утверждали взрослые, пахла ананасом. Когда после революции перестали ухаживать за ягодниками, шпанка быстро пропала, а ананасная еще долго плодоносила понемногу. Я больше любил ананасную. К сожалению, ни шпанки, ни ананасной я больше никогда и нигде не встречал. А жаль: очень хорошие были ягоды, хоть с точки зрения ботаников и ложные.

VII. Рыбная ловля

В свободное от полевых и огородных работ время мы с Саньком и Яшкой усиленно занимались рыбной ловлей; чаще всего вокруг мельницы. Там окуньки хорошие ло-

вились, а также плотва и подлещики. О крупной рыбе пока только мечтали. Это был удел взрослых. Помню, папá с кем-то из друзей ловили в омутке против мельницы, куда выходила вода из-под мельничных колес (мельница была двухколесная), на удочку с длинным удилищем и леской на живца и поймали несколько судаков. Нам с такими большими удочками было просто не справиться.

Мельничные колеса находились в тепляке, а там на уровне колесных осей имелся настил, с него мы наблюдали в прозрачной воде окуней. Виделись они нам огромными, но когда им подбросишь червячка на крючке и сумеешь выхватить, оказывались окуньками обычных размеров. Мама мне объяснила, что это обман зрения и вызван он преломлением солнечных лучей в воде.

Самый большой омут был против вешняка (тог, где когда-то я упал в воду). Отец говорил, что в нем крупные сомы водятся и что его отец, мой дед, как-то поймал одного на три пуда (это около 50 кг). Этот сом повадился глотать домашних уток. Для него выковали в кузнице большой крючок, к которому привязали тонкую, но прочную веревку. Другим концом веревку привязали к росшей на берегу ветле. Всех уток убрали (они на кормежку сами шли в птичник). Оставили одну. Под крыло привязали выкованный крючок и пустили плавать. Полчаса не прошло, бульк — и утка исчезла, а ветла закачалась от сомовьих рывков.

Втроем этого сомину на берег выволокли. Когда погрузили на телегу, голова лежала в передке, а хвост по дороге волочился.

Больше о таких сомах слуху не было, но сомы в том омуте, безусловно, водились. И засело мне в голову поймать сома!

Леску в ту пору мы скручивали из конского волоса. Для обычной ловли были у нас удочки с леской в два волоса (для ловли уклек и красноперок на муху) и в четыре волоса для прочей рыбы. А для ловли сома я смастерил толстую леску из восьми волосин. В навозных кучах часто попадались личинки крупного жука-носорога. У нас эти личинки почему-то “угрями” назывались.

И вот в один прекрасный день, выкопав “угря”, пошел я на остров, что лежал за мельницей и обрывался в омут. Около росшей там ветлы нашел под водой корень, привязал к нему леску, а “угря” на большом “щучьем” крючке с кусочком кирпича в качестве груза забросил в омут.

Ночь я спал плохо и чуть свет вскочил и побежал на остров. Подхожу к заветному месту, берусь за леску, а она натянута, ташу — сопротивляется, но не очень сильно, вроде как волна-

ми, влево-вправо. Наконец подхожу к берегу и вытаскиваю сома. По сегодняшним меркам не очень крупного, килограмма на полтора. Но тогда это был для меня огромный сом! Иду домой. А на мельнице привоз был большой, народу много, и все дивятся на меня с сомом, а я, естественно, расту над собой. Дома тоже фурор!

Вечером я снова привязал снасть к тому же дереву, но наутро обнаружил, что моя крепчайшая леска порвана и, видимо, очень крупный сом ушел с моим единственным щучьим крючком. Для нас крючок являлся большим дефицитом!

Но для меня это был переломный период: меня перестала удовлетворять ловля рыбной мелочи. Теперь все мысли о крупной рыбе.

Как я уже говорил, в солнечные дни с моста были видны крупные голавли. Были они и в других местах, в том числе и выше мельницы. И часто мы наблюдали, как стрекозы, во множестве летавшие над водой, иногда попадали в реку и тут же исчезали в пасти голавлей, а иногда жерехов и язей.

И пришла нам с Саньком идея: про голавля говорят, что он быстро утомляется на удочке. Так, значит, если на тонкую леску прицепить маленький крючок (такой, как для ловли уклеек), леску привязать к длинному и тонкому удилищу, а на крючок насадить стрекозу, так чтобы она живая была и трепетала на воде, то можно голавля обмануть.

В качестве тонкой лески купили у Сибирского катушку черных ниток № 10. Длинное удилище соорудили из лещины.

Чтобы не дать голавлю возможности порвать леску, я разделся, переплыл речку к камышам и забросил приманку вверх по течению. Плывет стрекоза и крылышками по воде бьет. Вдруг “бульк” — и нет стрекозы. Я легонько подсекаю. И тут пошло самое главное: голавль бросается по течению, а я леску слегка подтягиваю, но несильно, чтобы не порвать, и вплавь за ним. Смотрю — поперек реки пошел. Я за ним. А леска натянута. Ближе к берегу, я уже по дну хожу, но слабины не даю. Вскоре рывки стали слабеть. Я начинаю подводить его к берегу. Голавль спохватывается и снова в глубину, но уже не так сильно, как вначале. Устал. Еще немного поводил его, смотрю — он уже брюхом вверх перевернулся. Ну тут уже стесняться нечего, подвожу к берегу, за жабры его и на песок!

Начали мы часто за голавлями гоняться, и попадались они весом от фунта до пяти (т.е. от 400 г до 2 кг). А однажды схватил на стрекозу жерех (по-местному, белязь) на 6 фунтов. Немало с ним пришлось повозиться и поплавать, но в

конце концов я вытащил его. Язь попался лишь один, и потянул он всего около фунта.

Вскоре этот метод рыбалки другие ребяташки освоили, и стал он кулеватовским. Я много рек за свой век объездил, но больше подобного способа ловли голавлей и жерехов нигде не встречал.

VIII. В саду

Пришло лето, в саду начали поспевать ранние сорта яблочек: скороспелка, малиновка, белый налив и другие. Понадобилась охрана сада. Как и раньше, когда сад был за обществом, первым из караульщиков, не спросив даже нашего согласия, пришел Петр Косорукий. Это была не фамилия, а прозвище. Молодым парнем он поехал в Донбасс и там в каком-то несчастном случае потерял левую руку. Культия была на четверть аршина ниже локтя. Косорукий (иначе его не звали) был охотником, правда, с сильным браконьерским уклоном. Например, он обычно первым открывал охоту, не дожидаясь Петрова дня — официального тогда срока ее открытия. Стрелял Петр отлично, положив цевье ружья на культу.

Косорукий строил шалаш в конце сада и жил в нем до осени. Сад он караулил хорошо, но и себя не забывал. Так что яблоками он себя на год обеспечивал.

Другие — сторожа два-три — менялись, и я их не помню. В начале сада был построен навес. Каждое утро мы (дети и взрослые) ходили по саду и собирали падалицу. Ее сносили под навес, где всегда поэтому был ворох яблок.

На селе встают рано. И еще роса не сошла, а в сад уже идут покупатели яблок. Денег в селе в те времена было мало, и за деньги яблок никто не покупал. Главной разменной монетой были яйца. Не помню, сколько яблок на яйцо давали, но до вечера ящик яиц всегда набирался. Поскольку с наступлением лета мы с Саньком домой ночевать практически не ходили — жили в саду — с утра торговлю яблоками вели мы. И первые яйца зарывали в золу (костер у нас горел круглосуточно) и завтракали печеными яйцами.

Приходил Яшка Коняев, иногда Ванюшка Буздан (Яшка из безлошадной бедняцкой семьи, дома ему обычно делать нечего, а Иван — середняк, и в будние дни ему гулять было некогда). Обходили с ними сад, гоняли ребяташек, покушавшихся на яблоки, или сидели у шалаша Косорукого, слушали его байки, обычно далеко не приличного свойства, но “Наука

сокращает нам опыт быстротекущей жизни”, как сказал один поэт.

В те времена по стране проходил всеобуч, т.е. всеобщая воинская подготовка. Руководители всеобуча, два бывших офицера — один Дубинский, другого не помню — жили у нас в большом доме (Дубинского я потому запомнил, что у нас был рояль, а Дубинский хорошо играл на нем). Курсанты не только из Кулеватова, но и из окрестных сел были главными расхитителями яблок. К саду примыкала колокольня, так они на ней дежурили, и когда караульщики шли в одну сторону, врвались в сад с другой стороны.

Недалеко от церкви, в саду, рос большой куст желтой акации. Косорукий с ружьем и патронами, заряженными бекасенником (дробь № 10), пересыпанным солью, с утра забрался в этот куст. Когда на колокольню полез “дежурный”, другой караульщик демонстративно прошел мимо и двинулся в глубь сада. Человек пять курсантов тут же выскочили из кустов и к яблоне. Только трести начали, Косорукий и шарахнул по самому активному бекасенником! Крик, паника!

Потом рассказывали — из спины бекасинник выковыривали, а поскольку он был с солью, с одной стороны, очень щипало, но с другой — облегло извлечение дробинки.

Никаких претензий ни к нам как садовладельцам, ни к Косорукому не было, но нападения курсантов на сад прекратились: страшно стало.

Когда в ворохе накапливалось много яблок, их грузили на подводу и возили в села, в которых не было садов, или в их садах был неурожай (я уже говорил, что сады у нас плодоносили через год). Например, если у нас урожай, то у попа Степана яблоки не уродились, и наоборот. И, каюсь, в год поповского урожая мы с Саньком и Яшкой, обычно по наущению Лели, забирались в его сад за очень вкусным яблоком — сахарной белью.

В соседние села обычно ездил двоюродный брат Коля на тележке, запряженной Куциком. Иногда на большой телеге с Карим или Летунихой ездил дядя Яша Неверов — один из лучших друзей отца в Кулеватове. Иногда дядя Яша брал с собой меня.

В других селах яблоки меняли больше не на яйца, а на муку или пшено: гарнец пшена — гарнец яблок. Обычно подводу раскупали мгновенно.

В общем, сад являлся предприятием весьма доходным. И, главное, сад-то был действительно замечательный. Каких сортов там только не росло! Мы даже названия настоящие не всех знали. Поскольку, кроме меня, на сегодня, после смерти

Лели (1990 г.) никто уже не помнит всех сортов яблок, которые там росли, попытаюсь перечислить их.

Первой поспевала скороспелка. Это было не очень урожайное раскидистое дерево с довольно крупными светло-желто-зелеными с красными полосками яблоками репчатой формы. Поскольку эти яблоки были первыми, мы их ели с наслаждением, хотя, сказать по-честному, поспевавший следом белый налив (широко распространенный и сейчас) был вкуснее.

Затем поспевала малиновка, ее яблоня имела шаровидную, чуть приплюснутую форму и, бывало, вся обсыпана сравнительно мелкими красными яблочками, очень вкусными, кисло-сладкими.

Следом поспевало много сортов: мирончик — среднего размера, слегка конической формы яблоки, желтые с красными полосками. По вкусу мирончик отличался исключительной сладостью, без всякой кислоты.

Несколько видов отличного, всем известного аниса. Он был шафранный (полностью матово-красный), полосатый и даже желтый (последний вид я больше нигде и никогда не встречал).

Была там боровинка, яблоко известное; была титовка — очень крупное яблоко цилиндрической формы; два вида апорта — обыкновенный и розовый; первый не отличался от прославленного Алма-Атинского, а второй был матово-розового цвета и очень душистый. Этот сорт апорта больше я тоже нигде не встречал. Вкусное яблоко было репчик — желтое, среднего размера. Еще грушовка была, антоновка и, конечно, коричное. Было очень красивое, но страшно кислое яблоко гороховое — среднего размера, конической формы и интенсивно красно-полосатое. Его везде хорошо брали за красоту, но жители Кулеватова знали, что это за “прелесь”, и не брали.

Были сорта деликатесные. Это в первую очередь сахарное — сорт не очень урожайный, но яблоки имел среднего размера, чуть вытянутые, с нежнейшей сладковато-кислой мякотью; аркат — огромное дерево с крупными светло-желтыми сладкими яблоками; овечья мордочка — яблоко по форме действительно напоминающее овечью морду. Это кисло-сладкое, очень сочное яблоко, любимое яблоко Лели. А я больше любил яблоко, настоящего названия которого я не знаю. Мы его называли Папашин сорт. Низкое, очень раскидистое дерево с темной листвой и слегка вытянутыми зеленоватыми яблоками, очень сочными и нежными. Был еще и Мамашин сорт, правда, много лет спустя я встретил это ябло-

ко на Украине и узнал его настоящее название: бумажный ранет. Очень вкусными были мелкие желтые и особенно красные коробовки. Эти яблочки были наливными и в спелости становились полупрозрачными. Обе коробовки росли в молодой части сада, где, кроме них, апортов и титовки произрастали еще малоизвестные сорта: цыганка — вытянутые темно-красные, не очень вкусные, но красивые яблоки; розовая бель — крупные, совершенно круглые яблоки белого цвета, со светло-розовым румянцем. В свежем виде вкус у них посредственный, но в моченом виде это был деликатес. Кожица у этого яблока была толстая, а мякоть нежная, и вот когда яблоко умочится, мякоть становится полужидкой. Прокусишь кожуру — и можно все яблоко высосать.

Был там еще скрижапель — сугубо зимнее яблоко. Осенью, когда снимаешь это зеленое с редкими красными полосками яблоко, оно настолько прочное, что не укусишь. Зато, пролежав ползимы в подвале в окружении соломы, оно становилось мягким, кисло-сладким и ароматным. Яблоки на зиму у нас закладывались в ящики с соломой и хранились в подвале. Так, антоновка долеживала примерно до февраля месяца, а скрижапель — до Пасхи.

Как я уже писал, в 1939 г. все яблони в нашей округе вымерзли. А когда по селу начали свои сады восстанавливать, оказалось, что старых приличных сортов, за исключением антоновки, коричневого, боровинки и аниса, достать негде. На щит был поднят Мичурин, утверждавший, что в России, кроме антоновки, нет хороших сортов, и питомники стали выращивать только мичуринские сорта: бельфлер-китайку, славянку и другие, имеющие высокую лежкость, товарный вид, но далеко уступающие большинству старых сортов во вкусовом отношении. Вот пример: у нас считался апорт заурядным яблоком средних вкусовых качеств, а после внедрения мичуринских сортов на их фоне апорт теперь считается великолепным, деликатесным яблоком!

То, что мы ездили продавать яблоки в соседние села, было естественно. Разъездная торговля тогда процветала. Часто по селу слышались крики: “Горшков, горшков, кому горшков!” Это ехал воз с керамическими изделиями. Горшечник останавливал свой воз, набегали покупатели и выбирали, кому что надо. Взрослые покупали кринки, махотки, плоски, большие и малые горшки для варки каши и картошки. Ну, а нам, гражданам малого возраста, за выпрошенные у родителей яйца продавал горшечник свистульки, изготовленные в виде коровок или лошадей.

Заезжали продавцы и галантерейного товара, а также старьевщики, скупавшие всякое тряпье в обмен на разную мелочь: нитки, иголки, крючки рыболовные, а главное — пряники (они именовались “жамки”. Помню продавца пряников: “Мои жамки на меду, с них потянет на еду”.) Кроме пряников, продавали нам так называемые рожки: это сладкие стручки с твердыми семенами и сладкой ароматной мякотью. Их откуда-то с Ближнего Востока привозили. Там этими стручками, говорят, ослов кормят. Но прямо скажу: очень вкусная и приятная вещь. Жаль, что с кончиной нэпа они перестали поступать к нам.

Ремесленники заезжали, то жестянжики, то слесари. Эти обычно разбивали небольшой лагерь, и к ним несли все, что требовало ремонта. Помню, чугунные котлы ремонтировали. Плавил в горне чугунные осколки и залепляли ими дыры в чугунных котлах и горшках. Заплата получалась корявая, но прочная.

Естественно, мы, ребяташки, крутились вокруг всяких ремесленников и наблюдали за работой. Часто помогали по мелочи: то подержи, то подай, то принеси.

IX. Уборка хлебов

Поспели хлеба, и все внимание переключалось на уборку и обмолот хлеба. Сеяли у нас в основном рожь, овес и просо, и в небольшом сравнительно объеме — горох и гречку.

Кроме таких чисто зерновых культур, сажали картошку, сеяли коноплю и лен. Пшеничку у нас в те годы не сеяли.

Главное, конечно, рожь. Вырастала она у нас в рост взрослого человека. У нас была жатка пароконная, а на селе свои наделы косили “крюком”, так называлась коса с гребнем, смонтированным на косовище таким образом, чтобы пальцы, имевшие разную длину, располагались над полотном косы параллельно ему на разной высоте. Нижний, самый длинный палец чуть короче самой косы, верхний — вполовину этой величины. Сооружение довольно тяжелое. Преимущество крюка над косой, во-первых, в том, что колос не падает на землю первым и зерно из него не высыпается, а, во-вторых, скошенный хлеб ложится не рядком, а кучками с непомятой и не перепутанной соломой. Так же в копенки укладывает сжатую рожь и жатка.

Следом за косцами, за жаткой идут бабы и вяжут снопы, а нас заставляли складывать снопы (а они, гады, тяжелые) в

крестцы — это снопы, крестообразно уложенные колосом внутрь один на другой, если не ошибаюсь, в пять рядов. Два рядом поставленных крестца назывались копной. Потом копы разбирались, вывозились на усадьбы и укладывались в скирды — высокие сооружения, где колос оказывался в середине. Верх скирды покрывался соломой в виде крыши. Сейчас в статьях часто можно читать: “скирда соломы” или “омет пшеницы”. Это путаница: хлеб (рожь, пшеница и др.) складывается в скирды, а солома — в ометы.

Скирды ставились у гумен, на которых хлеб молотили конной молотилкой. Она одна была на селе. Для обмолота сю объединялись три-четыре хозяина. Отдельные хозяева, не сбивавшиеся в молотильную артель, молотили цепями, особенно большие семьи, где главный был дед, пять сыновей с женами и детьми, и все жили в одном длинном доме.

Мы свой хлеб обмолачивали молотилкой. Она устанавливалась против дома, на ровной площадке. В стороне устраивался круг, по которому ходили лошади и приводили в движение весь агрегат. Он состоял из шкива большого диаметра с ременной передачей на малый шкив, установленный на одной оси с барабаном. Барабан, весь усаженный металлическими пальцами, помещался в кожухе. В этот кожух подавали со скирды снопы, а барабан, вращаясь, с диким воем пережевывал снопы и выбрасывал зерно и солому.

Бабы лопатами отгребали зерно, а солому волокушей, привязанной к длинной веревке, перекинутой через создающийся омет, с помощью лошади перетаскивали на омет. Погонщиками лошадей на кругу и на омете были, естественно, ребяташки старшего возраста, лет уже по четырнадцать-пятнадцать.

Работа была шумная, пыльная и веселая.

Родители Ванюшки Буздана были типичные середняки. Семья была такая: отец — Михаил Васильевич, его вторая жена (первая — мать Ванюшки — померла), дочери — Дуняша, старше Ванюшки, и две девочки-ровесницы — Варька и Настюшка. Настюшка была дочерью второй жены Михаила Васильевича, но в новой семье была на равных с остальными детьми. Не помню, в каком году родился еще сын Коляка.

Хозяйство у них было практически такое же, как и у остальных крестьян: изба-пятистенка, двор, окруженный хлевами для лошади, коровы, овец и свиньи, курятник, погреб с погребницей и избушкой, примыкающей к хлевам.

За двором огород в виде полосы шириной, равной двору, и длиной раз в пять больше. В огороде росли картошка и разные овощи. В конце огорода стояла рига. Это огромное, высокое

сооружение в виде двухскатной крыши (соломенной или камышовой) от земли до конька. Торцы защиты досками, и в торце, обращенном в противоположную от огорода сторону, были ворота. В ригу складывались снопы хлеба, привезенные с поля, и посередине еще оставалось пространство для тока, на котором молотили цепами снопы в дождь или зимой, до которой в риге оставался необмолоченный хлеб. Вообще в риге размещался хлеб, обмолот которого планировался на послеуборочный период.

Перед воротами риги располагался открытый ток, на котором молотили в ветреную погоду.

Вокруг тока располагались сараи для хранения яровой (просяной, овсяной) соломы, шедшей на подкормку скоту.

Молотьба цепами — красивая работа. Обычно молотят несколько человек и так слажено, что никогда не задевают цепы друг друга, и звук такой молотьбы — частые глухие удары в строгой последовательности.

Вообще со стороны кажется, что это простая работа, но это только кажется: подумаешь — толстая длинная палка, а на конце, на ремешке болтается другая, поменьше (било). Подними все это над головой и ударь билом по снопу. И ничего не получится. Надо так поднять и так повернуть, чтобы било по кругу пошло, да в нужный момент ударить по снопу, да причем именно по колосьям. Тоже вроде просто, а я, так же как и другие мальчишки, долго осваивал эту науку.

Поскольку риги были почти у каждого хозяина, село, растянувшееся вдоль большой дороги, выглядело в виде четырех рядов: посередине два порядка изб, а за огородами два порядка значительно более высоких риг.

Конечно, с началом коллективизации, когда весь хлеб начали свозить на общий ток, надобность в ригах отпала, и когда в 1961 году я приехал в отпуск в Кулеватово, я был поражен какой-то куцестью села: два порядка изб, за ними огороды, и больше ничего.

Х. Мельница

Осенью 22-го ничего запоминающегося не произошло, но начало 23-го года ознаменовалось серьезным для нашей семьи событием: вышло постановление правительства о возвращении бывшим владельцам мелких предприятий, и нам вернули мельницу с крупорушкой. Мельница кирпичная, двухпоставная, с подливными колесами, т.е. вода из шлюза идет под колеса и, ударяя в плиты, крутит колесо. (В

селе Мамонтово, что в десяти километрах от Кулеватова, мельница с наливными колесами, т.е. вода падает на колесо сверху. Наливные колеса значительно меньшего диаметра, чем подливные.)

Крупорушка примыкала к мельнице, но была деревянной. У нее, так же как у мельницы, два колеса, но одно вращает барабан, в котором просо освобождается от лузги и превращается в пшено, а второе колесо вращает вал толчай. Это серия ступ с мощными пестами. Вал коленчатый, вращаясь, подымает и сбрасывает песты. В ступы насыпается пшено, и в процессе толчения от него отбивается тончайшая пленка — мучель. Потом пшено просеивается в специальном барабане. Мучель идет на корм свиньям, а толченое пшено идет на кашу. Причем каша из толченого пшена значительно вкуснее, чем из нетолченого. Поэтому кулеватовское пшено на рынке очень высоко котировалось. К сожалению, сейчас в продаже толченого пшена не бывает. Наверное, поэтому пшенную кашу мало кто любит.

Когда мельница стала нашей, я с товарищами всю ее облазил.

И еще чем запомнилась мельница: в тот и два последующих года мамá с папá вставали рано, летом с рассветом, а зимой затемно, и шли на мельницу завтракать. Там в мельничной избе (бывший птичник) кухарка мельников по утрам пекла блины из пшенной муки. С пылу-с жару они очень вкусны, особенно с маслом и кислым молоком — ряженкой. Я этих блинов наедался “от пуза” и съедал их больше, чем папá.

В начале лета, когда наступала пора прополки проса, в Кулеватове как в село наиболее богатое наезжали девки, а на стройки — мужики из бедного, но большого села Грязное. Так им хозяйева тоже блины пшенные пекли. А грязновские толстопузые мужики едят, едят, а потом выйдут во двор и на кулачках дерутся, пока блины в животе не утрясутся. А там снова за стол и новую порцию блинов принимают!

Против нашей усадьбы стали строить свои усадьбы выделившиеся из больших семей или приехавшие откуда-то хозяйева. Первым приехал и построился Петр Михайлович Шестаков, бывший поручик, за ним высокий мужик по прозвищу “Филон” (в нашем театре он играл Несчастливцева из “Леса” и неплохо), не то унтер-офицер, не то иной какой-то чин. Получалось, что на небольшом отрезке села от церкви до моста через Челновую поселились целых три офицера: папá (прапорщик), Шестаков (поручик), Филон (не знаю чин). И за это наш конец села называли Офицеровкой. Такое название существует и по сей день. Вообще все село было разделено на

зоны с собственными названиями. Середина села по фамилии от Давыдовской помещицы называлась Сербино. От Сербина до церкви — собственно Кулеватово. Дальний конец (в сторону Тамбова), строительство которого началось в период Балканской войны, за отдаленность прозвали Болгарией. Выселки на полуострове, образуемом излучиной Челновой и Тяглой, где первым поселился вороватый мужик по прозвищу “Мундиров” (прозвище это пошло от его прадеда, дослужившегося до унтер-офицера, а сын его мальчишкой хвастался, что его отец Мундер-офицер. Так и пошло — Мундировы). Эти выселки прозвали Горлохватовкой, а продолжение Горлохватовки, уже параллельно основному селу, называли Жопоглядовкой, поскольку уборных в селе не было и по нужде ходили на задворки.

Все эти названия, за исключением, может быть, Сербина, сохранились до наших дней (уже в 80-х годах Горлохватовке и Жопоглядовке присвоили название “Садовая”, хотя садов там нет и народ называет все по-старому).

Когда начиналось половодье, затворы в вешняке подымались, и на их место ставились довольно примитивные верши. Устройство этих верш следующее: деревянная рама шириной и высотой соответствовала размерам затвора. В раме сверлились отверстия сантиметров пятнадцать одно от другого, а в них вставлялись ореховые хлысты длиной метра два. Отверстия в раме были такие, чтобы хлысты тонким концом проходили в них, а толстый конец не проходил. Концы хлыстов связывались в пучок, и верша готова. Две верши ставились в вешняк, а две на длинных веревках бросались вниз, в самые буруны. Мелочь в этих вершах не задерживалась, а крупная рыба бурным течением загонялась в конец верши. Поутру верши поднимались, и рыба из них вытряхивалась. Рыба всякая бывала: щуки, язи, голавли, крупные окуни, но больше всего лещи. Да такие, как лопата деревянная, 2-4 кг. Поэтому на Пасху у нас на столе, как правило, был огромный лещ горячего копчения.

Поскольку мельница обслуживала не только Кулеватово, но и окрестные села и деревни (Семикино, Огарево, Грязное и др.), там почти всегда было “завозно”, т.е. скапливалось много подвод с хлебом, и многим из этой очереди ночевать приходилось. Однажды мы с Саньком пошли рыбачить в луга, к одному заливу Цны, где, нам сказали, много красноперки. И правда, ловилась красноперка прекрасно, особенно на “конька” (как у нас назывались веснянки) и муху. Так что мы наловили по большому кукану. На обратном пути, проходя мимо мельницы, мужики-помольщики запросили, чтобы мы

продали им рыбу на уху. Мы с удовольствием вручили им оба кукана за 20 копеек. Цена по тем временам немалая.

Коммерческая сторона мельничного дела меня мало интересовала. Брали, по-моему, с Кулеватовских помольщиков каждый двадцатый, а с прочих каждый шестнадцатый гарнец (гарнец — это 3,28 литра). Старшим мельником работал Яков Васильевич Неверов (дядя Яша), а засыпным — дядя Иван (отчества и фамилии не помню). Это был довольно угрюмый мужик с большой раздвоенной бородой. Работал там еще तो ли сторожем, то ли кем еще дед Иван Колпаков — Грязновский мужик. Его сын, ровесник Леле, Андрей вместе с Колей занимался лошадьми. Так что без наемных рук возросшее хозяйство обойтись уже не могло.

XI. Мы все учились понемногу

В 1990 г., когда я начал писать эти воспоминания, многое уже ушло из памяти, и не всегда удастся строго следить за хронологией событий. Поэтому содержание этой главы охватывает период от начала учебы до конца 25-го года.

Первые годы, может быть, с весны 1917, нашим с Лелей обучением занималась мамá. В качестве учебного пособия у нее имелась библиотечка популярных брошюр Нечаева, посвященная разным аспектам естествознания с геологическим уклоном.

Кроме того, мне подарили отличную книгу того же Нечаева “Между огнем и льдом” про вулканы и ледники. Так что вместе с грамотой и начальной арифметикой я с детства познавал и основы геологии. Поскольку нас учили ряду молитв (в том числе и “Отче наш”) и перед сном заставляли молиться, я долго и упорно молил Бога, чтобы у нас за речкой возник настоящий вулкан, причем типа Стромболи, который в те годы считался вулканом неопасным, так как все выбросы ограничивались склонами самого вулкана. Уже много лет спустя он изменил свой характер. В книге была фотография Стромболи с небольшим цветком выбросов на вершине горы.

Почему-то Бог не воспринял моих молитв, и вулкан за речкой не появился.

Вообще мамá больше всего времени уделяла естественным наукам, которыми она с детства увлекалась. Наряду с геологией мы усиленно изучали практическую ботанику. Так с самого раннего детства мамá научила нас распознавать деревья и кустарники. При этом не только летом, но и зимой, и даже по дровам.

Летом мамá водила нас на экскурсии в лес и луга. Одна из таких экскурсий кончилась для меня довольно печально. Мы пошли с мамá за бор на луг. Полая вода сошла, и на лугу остались небольшие мелководные озерки, вернее, большие лужи, и в них мамá нам показала лягушачью икру. И вот мамá начала нам объяснять стадии развития головастика. В икре это от “точек” до “запятых”. Мы с Лелей бродили по этим лужам и собирали икру разной степени зрелости. В результате я простудился и заболел отвратительной болезнью, которую тогда называли “афты”. Заключается болезнь в том, что во рту и на языке, небе и губах образовывалась масса маленьких нарывчиков, а потом язвочек. Не только есть, но и говорить было очень больно, и пока я не избавился от этой болезни, меня кормили жидкой мучной кашей. Даже пшеничную кашу я есть не мог!

Зато жизнь мелких водоемов мы очень хорошо освоили тоже с раннего возраста. Особенно я естественными науками увлекался, Леля — меньше.

После домашнего обучения меня учила учительница земской школы Валентина Ивановна, но почему-то не в общих классах, а отдельно. А Лелю учил Петр Михайлович Шестаков. В качестве оплаты за его учебу они с женой столовались у нас.

С этим столованием был случай, который оставил у меня неприятный осадок на всю жизнь. Петька Косорукий убил гагару и отдал ее нам. И вот на обед, как часто бывало и до этого, подали жареную дичь. Мама, папá, тетя Анна, Леля и младшие девочки получили по чирку или по полкряквы, а чете Шестаковых, мне и Саньку — по четверти гагары. А она была весьма трудноугрызаема. Шестаковы, конечно, деликатно промолчали, только жена Петра Михайловича сказала, что это, наверно, очень старый селезень, но, конечно, поняла, что к ним отнеслись как к людям второго сорта. Я тут, конечно, ни при чем, но вот до сих пор мне стыдно перед Шестаковыми, которых, наверно, давно уже нет в живых.

Но вернемся к учебе. При Семикинском лесничестве, что километрах в шести от нашего дома, открылась лесная школа, и мы поступили в нее. В школе было всего два класса: третий и четвертый. В третьем классе учились я, Санек, Юра Шестипалый (у него на левой руке было шесть пальцев) из Семикина, Зарщикова Вера (очень красивая девочка) и Степан из Отьясс. А в старшей группе: Леля, Матрена и Митя Козловы и Вася Зарщиков. Кроме перечисленных были еще два брата Вася и Коля — дети лесника Никанора. Этих двух ребят, очень хороших, добрых и веселых, вскоре убили. Какие-то

бандиты напали на кордон и убили жену Никанора, старшую их дочь и двоих сыновей. Сам Никанор был в обходе и остался жив. Вернулся на кордон, а там догорает дом и валяются четверо убитых. Полагали, что это была месть каких-либо порубщиков, которые Никанора за строгость и неподкупность ненавидели.

Учитель на оба класса был у нас один и, как я понимаю, учил он нас без программы, как Бог на душу положит. Ни имени, ни фамилии его не помню, и со смертью Лели спросить не у кого. Запомнилось, как он политграмоту проводил. Взял какое-то шуточное стихотворение: “Раз принес мне барин чаю и велел его сварить, а я отроду не знаю, как проклятый чай варить. Положил я луку, перцу и петрушки корешок...” (тут несколько слов не помню) и далес: “чай готов, извольте кушать, снял я с барина пальто”. И дальше барин надрал ему уши за этот чай. Так вот, на примере этого стихотворения было показано отношение буржуазии к простым труженикам. Их не обучали, а требовали умения делать все, что нужно в хозяйстве. Еще, помню, учили наизусть стихотворение: “Ах, попалась птичка, стой, не уйдешь из сети”. Потом это же стихотворение учили на уроке пения. Учитель хорошо играл на скрипке (для нас, хорошо знавших балалайку и немного мандалину, скрипка казалась чудом). И вот под его аккомпанемент мы это стихотворение пели. Особенно хорошо выходило сольное пение “Птички” у Васи Никанорова.

По-видимому, какие-то основы математики, географии и других наук в школе давались, судя хотя бы по тому, что, проучившись там год, Леля успешно поступила в 7-й класс московской школы.

Весной, в годоводье 24-го года, кто-то из охотников, наверное Павел Курносов, большой друг папá, убил норку и продал ее нам. Шкурку выделали, и Леле к осени сшили пальто с норковым воротником. Поэтому в Москву она поехала одетой вполне прилично.

В Москве Леля поселилась в семье Голицыных, у тети Анечки — старшей сестры мамá — и ее мужа, дяди Миши. В школу она поступила в 7-й класс, где училась в одном классе со своим двоюродным братом Сережей Голицыным. В своей книге “Записки уцелевшего” приезд Лели он отнес к 1927 году. Но это ошибка. Лелю привезли в Москву осенью 1924 года. Возможно, это просто опечатка, потому что дальше Сергей пишет, что школу он, а следовательно, и Леля, кончил в 1926 году, хотя, по-моему, это было уже в 1927.

Летом и осенью в школу ходили пешком через лес и как-то, идя по просеке, увидели волка. Он вышел на просеку

метрах в пятидесяти-шестидесяти от нас. Посмотрел на нас (а шли мы вчетвером — я, Леля, Матрена и Санек), постоял немного (мы тоже, конечно) и ушел в чащу. Жутко было до чертиков! Потом мы несколько раз ходили через Семикинские луга, минуя лес. Но там идти приходилось по болотам и километра на два больше. Поэтому, преодолев страх перед волком, снова лесом начали ходить, но волка больше не встречали. Зимой же мы часто ездили в санках, запряженных Куциком, или ходили пешком напрямик, через огромный залив реки Цны.

Проучившись в этой школе два года, я по следам Лели был отвезен в Москву и определен в 6-й класс школы им. Льва Толстого, находившейся где-то недалеко от Плющихи, в одном из Брянских переулков. Однако моя московская эпопея будет описана отдельно и позже.

А пока вернемся в Кулеватово. Помимо официальной учебы безусловно существенным повышением нашего образовательного ценза было домашнее чтение. Мама и папа по вечерам читали нам классику. Практически в разное время родители прочли нам всего Тургенева, “Войну и мир”, “Анну Каренину”, “Детство и отрочество” Толстого, “Семейную хронику”, “Детство Багрова внука”, “Записки ружейного охотника” Аксакова. Кое-что из Диккенса, в частности “Давид Копперфильд”.

Читали нам и такие вещи, как “Собака Баскервилей” Конан Дойла, а потом интереснейшую книгу “С севера на юг”, не знаю автора. Эта книга написана как записки молодого журавля с приключениями его с детства, до полета в Африку и обратно. С точки зрения географии и биологии, отличная книга. К сожалению, в последующем с частыми переездами эта книга где-то затерялась. Уже взрослым, я искал ее во многих букинистических магазинах Москвы, Ленинграда и других городов, но тщетно. А жаль. Она была бы очень полезна нашим детям, и внукам.

XII. Охота

Я уже писал, что с шестилетнего возраста стал ходить с отцом на охоту. Чаще всего я ходил за отцом по болотам, за бекасами, а по вечерам мы стояли на перелете, обычно в Талах — так называлась заболоченная часть луга, прилегающего к Цне. По весне ходили на тягу вальдшнепов.

Ходил я с отцом и на облаву по зайцам, а с первозимья — по пороше за зайцами. Так что я очень рано научился разбираться в заячьих петлях.

К концу лета, начиная примерно с 1922 года, к нам приезжал дальний родственник — дядя Кока Матвеев, страстный охотник. И на охоту начали ходить втроем: папá, дядя Кока и я (сзади).

Дядя Кока, вообще говоря, собеседник был довольно скучный и одну и ту же историю мог рассказывать много раз. Так, когда на стол подавали кашу, и мамá каждому клала кусочек масла, кто-нибудь говорил: кашу маслом не испортишь. Дядя Кока тут же возражал: “А мне однажды испортили, когда я служил в здравотделе и ездил по селам, мне на ужин подали кашу с большим количеством масла. Мне хотели угодить, а я есть не мог!” И этот рассказ повторялся из года в год.

Армида стала уже взрослой собакой с прекрасным чутьем и хорошим челночным поиском. Поэтому охота по бекасам стала значительно эффективнее.

Кроме того, стала доступной охота на дупеля, который так крепко сидит, что без собаки поднять его на крыло почти невозможно.

И, конечно, мечтал я хотя бы ó выстреле из-ружья. Я, как и все мальчишки, имел лук и стрелы, но за все детство убил стрелой только одного воробья.

Первый мой выстрел имел место, когда мне было уже 11 лет. Это случилось на старых ямах, за Тяглей. Сидевшая там стайка воробьев взлетела на дерево. Отец дал мне ружье, и я с колена прицелился и выстрелил. Эффект был следующий: от отдачи ружья я полетел вверх тормашками, но с дерева посыпалось несколько воробьев. Торжеству моему не было предела.

А еще через год стояли мы с папá на перелете под Черяпкой (так называлось заросшее ольхой озеро за Цной), там держалось много чирят, и они вечером летели стайками на поля. Я пристал к отцу, и он дал мне выстрелить по летящей стайке. После выстрела я заметил, что один чирок пошел на снижение. И хотя папá с досадой сказал: “Промах”, я положил ружье и устремился за снижающимся чирком. И правда, метрах в ста пятидесяти он упал. Я его схватил и скорее назад показать отцу. Тот поздравил меня “с полем”!

Когда приехал дядя Коля, и я рассказал ему об убитом чирке, он пообещал привезти мне из Москвы свое старое ружье.

К этому времени я уже освоил основные правила охотничьей безопасности, такие, как: не наставляй даже незаря-

женное ружье на человека; ружье всегда держи стволами вверх либо вниз под углом к земле; не стреляй, если впереди, даже на большом расстоянии, видишь людей или скотину и т.д. и т.п. Так что, с точки зрения родителей, ружье мне можно было доверять.

Поэтому отец даже свое ружье мне начал доверять. Как-то во время половодья взял я ружье, и пошли мы с Иваном Бузданом за мост, на гать. Думалось, может, хохуля (местное название выхухоли) попадется (тогда на нее еще не было запрета). Вот сидим мы, уже смеркаться стало. Идут два мужика по гати из Отъясс. Подходит один из них, активист из села Перкино (я видел его раньше на каком-то митинге), ко мне:

— Билет охотничий есть?

— Он дома у отца.

— Тогда давай ружье!

Хватает его за стволы и тащит к себе. Я вижу, что он пьяный. Трезвый разве на себя стволами будет тащить? Я испугался, вдруг выстрелит ружье, и отпустил его. Домой пришел без ружья. Отец, конечно, очень расстроился. Правда, на другой день, проспавшись, этот деятель сам ружье принес, и хотя я ему билет показал, он и смотреть его не стал.

В общем, весной 24-го года начал я охоту, сперва с отцовским ружьем. Помню, пошли мы с Яшкой в бор. Там в низовьях Тягли озерко было. Лед в основном растаял, только у дальнего берега ледяной блин остался. И вижу, у кромки льда плавают чирята, селезень и утка. Я вдарил, и селезень вверх торماشками! Но от моего берега далеко. Что делать? Скинул полушубок, разделся — и в озеро. Вода как огнем обожгла, до того холодно! Доплыл до чирка, в зубы его и обратно! Выскочил на берег весь красный как рак вареный. Оделся быстро, и так мне жарко стало!

Но с отцовским ружьем много не поохотишься. Отец сам часто ходил, отводя мне роль болельщика.

Понятно, с каким нетерпением я ждал следующего приезда дяди Коки.

И вот (это было в конце июля 1924 г.) приезжает дядя Кока и вручает мне небольшое ружье шестнадцатого калибра, фирмы “Франкот”. Стволы укороченные, цилиндрической сверловки, из тонкой дамасской стали. Один дефект: утерян правый курок, так что фактически это была одностволка. Но зато это было ружье! Да не чье-нибудь, а мое! А правый курок года через два живший в пристройке к дому слесарь Саша (он работал в мостостроительном отряде и, когда мост достроили и отряд уехал, остался в Кулеватове частным ремесленником)

сделал новый, правда довольно аляпистый, но вполне работоспособный курок. Но это было потом.

А тут к открытию охотничьего сезона приехал из Тамбова мой двоюродный брат Кирилл, лет шестнадцати, со своим приятелем Колей Змеевым. И пошли мы километров за пять за Семикинские луга, где по болотам держалось много дичи.

Папа с дядей Кокой пошли в другую сторону искать дупелей, так что Армиды с нами не было, но Кирилл приехал со своей собственной собакой, пойнтером Долькой. У Кирилла было отличное ружье двенадцатого калибра, бескурковый “Зауэр” со стволами из стали “три кольца”. У Коли Змеева — одноствольное ружье — берданка.

Бекасов было порядочно, но бекас, по-английски “снайп”, птица быстрая, к тому же летит зигзагами, недаром охотников, бьющих бекасов, зовут снайперами. Мы пока ими не были. Поэтому патронташи легчали, а ягдташи пустыми оставались. За весь день взял Кирилл штуки три бекаса, а мы со Змеевым всего по паре. До вечера было далеко, а патроны с мелкой дробью на бекаса кончились. Поплелись домой потихоньку. Смотрим — в стороне от дороги озерко маленькое. Мы со Змеевым стали к нему подходить, а там стайка уток. Поскольку деревня Семикино рядом, решили, что домашние, и в сидячих стрелять не стали. И вдруг эта стайка, увидев нас, взрывается в воздух. Дикие! Мы со Змеевым выстрелили одновременно, и одна кряква падает в озеро. Я за ней, вода всего по пояс. Вылезаю, и тут задача: стреляя, я не слышал выстрела Змеева, а он моего, и каждый уверен, что дичь его! Пришлось прибегнуть к старому охотничьему приему определения, чья дичь: она подбрасывается вверх и в чью сторону упадет головой, того и дичь.

Кирилл, наш третейский судья, берет утку и бросает ее вверх между мной и Колей. И к великому моему счастью, шлепается она головой ко мне. Моя добыча!

И с этого времени я стал самостоятельным охотником. Вскоре приобщился к охоте и Санек. Папа купил себе новое ружье, а его старый и довольно расшатанный “Лепаж” перешел к Саньку.

Много было всяких охот. Совершенствовался в стрельбе, и все чаще под моими выстрелами падали бекасы. Хочется рассказать лишь отдельные эпизоды.

Жили на Болгарии замечательные охотники Курносовы. Дед Герасим, его сын Павел и внук Петя — мой ровесник. Как-то по осени, когда начался перелет, пригласили они нас с папá на уток с подсадными (криковыми) утками. Переночевали у них, а среди ночи пошли к лодочной пристани и поеха-

ли на Линево (огромный плес — залив Цны). Там у Курносых шалаши были построены такие, что в них целиком лодка заходила. Мне досталась лодка-долбленка (душегубка), которая чуть-чуть протекала, поэтому периодически надо было отчерпывать воду. В охотничьих лодках скамеек не бывает, а чтобы сидеть было нежестко, настилается солома.

Указали мне шалаш, рассадили четырех уток и в стороне тройку чучел, изготовленных под чернеть (утка-нырок). Старшие уехали дальше, а я остался. А надо сказать, что в те годы большинство, в том числе и я, болели малярией. День-два ходишь нормально, а на третий день сильный озноб, а потом в жар бросает. Где тебя приступ прихватит, там и ложись, пока не отпустит. И вот еще и светать не начало, навалился на меня приступ малярии. Да такой, что я сознание потерял. Сколько я лежал без памяти — не знаю. Но вот как сквозь сон слышу: утки мои криковые из себя выходят — кричат. А из лодки-то я, пока без памяти лежал, не отчерпывал, и в ней почти до половины воды, а я в ней лежу. Чуть приподнялся, глянул, что утки разоряются, а невдалеке от шалаша стайка красноголовых нырков плавает. Тут сразу болезнь отстала. Беру ружье, кое-как приподымаюсь, а тут пара нырков сплылась. Я выцеливаю их — бах! Оба на месте! И я вроде здоров. Отчерпал воду из лодки. Еще пару чирков из стайки взял и нырка, что к чучелам подсел. Смотрю — старшие едут и тоже с полем!

И что интересно, малярия моя на этом закончилась полностью. Что явилось причиной? То ли купание в холодной воде, то ли охотничий азарт? Не знаю!

Как-то пошли мы с Саньком в дальний поход: сперва за бор, на верховое болото, потом на Шейку, высыхающее озеро среди полей, затем к селу Перкино, на Святое озеро. Это озеро явно карстового происхождения, с Цной соединяется сухоходом, вода в котором бывает только весной, в период таяния снегов. Особенностью этого озера было наличие раков, которые после мора 1908 г. в Волжской системе погибли. А в изолированное большую часть года Святое озеро зараза не попала, и раки там сохранились. Кроме того, в Святом озере водилась мелкая рыбка, которую так и звали: святоозерная рыбка. Больше она нигде в окрестностях не встречалась. Теперь я знаю, что это верховка, весьма распространенная рыбка в подмосковных прудах.

Прошли на верховое болото. Там кое-где небольшие бочажки разбросаны. Время было пролета чирка-трескунка (первая из уток, покидающая наши края, уже в конце августа — начале сентября). Потом по бочагам чирок встречался.

Я убил одного, Санек бекаса взял. А потом он подходит к одному озерку, а из него серая утка вылетает. Санек бьет, она падает. Выходим из болота. Санек страшно рад: серая у нас редко встречалась. Вынимает ее из ягдташа, бросает на траву, а она вдруг оживает и улетает! Видимо, она не убита была, а только контужена! Горю Санькиному предела нет!

Ну ладно, что поделаешь? Пошли на Шейку. Решили обойти по краю. Санек направо пошел, а я налево. Иду вдоль высокого залитого кочкарника. И вдруг слышу какой-то странный беспрерывный плеск, вроде как собака после купанья отряхивается. Начал я потихоньку подходить. Выхожу к небольшой протоке между кочками. В конце — кочка, а на ней утка сидит. Плеск же из-за этой кочки слышится. Я прицеливаюсь. Бах! И что тут поднялось: кругом утки вылетают. А у меня только один ствол, и влет уже стрелять нечем. Поднялась стая уток и сразу с набором высоты. Так что на Санька налетела уже высоко. Он, конечно, выстрелил для очиски совести, но без толку.

А я подхожу к кочке, на которой убитая утка лежит, а за ней, на небольшом плесике еще две плавают. Это они там купались. За осокой мне их не было видно, но дробь нашла!

Ну, походили еще по Шейке, но ничего больше не нашли и отправились на Святое.

Дошли. А там берега голые, и лишь метрах в десяти от берега полоса редкого невысокого камышика. Посреди озера плавают не то утки, не то лысухи, но далеко от берега любого. Может, думаем, в этом камышике реденьком утка есть? Решили опять озеро обойти. Санек направо, я налево. Прошел несколько десятков шагов, смотрю — от берега и через камыш какие-то небольшие птицы плавают гуськом. Я вскидываю ружье и по этой стайке. Три штуки на месте, остальные нырнули и нет их. Полез в озеро, достал дичину. А они ростом с чирка, но серо-коричневые, равномерно окрашенные, лапы не как у утки, а как у лысухи: вокруг пальцев вроде лепестков. Но самое удивительное: клюв острый, как у вороны. Что за чудо? Решили, что это Святоозерские крохали (много позже я выяснил, что были это поганки малые). А тогда приобшил их к своим уткам. Больше ничего не добыли. И вот идем домой — у меня целая связка дичи: чирок, три кряквы, три поганки, а у Санька один-единственный бекастик. А он парень был самолюбивый, так что переживал страшно. Особенно когда отец меня с большим успехом поздравил.

В сентябре месяце проходил массовый пролет куликов, среди которых первое место занимали турухтаны. Больше всего куликов скапливалось на моховых болотах, что распо-

лагались за Цной: между рекой и казенным лесом. Почему эти болота назывались моховыми, я не знаю. Сфагнума, главного компонента настоящих моховых болот, там я не помню. Это были скорее не болота, а серия мелководных озерков с небольшим кочкарником. Кругом абсолютно голая равнина, спрятаться негде. Поэтому там мы учились ползать по-пластунски, всем телом прижимаясь к земле. Если очень хорошо прижаться к земле, удавалось продвинуться на верный выстрел и сразу несколько штук выбить. После выстрела все население болот подымается на крыло и успокаивается не сразу. Иногда по полчаса лежать приходилось, пока дичь рассадится и снова можно скрадывать ее по-пластунски.

Очень запомнилась мне коллективная охота на зайцев в отдаленном кордоне, километрах в двадцати от Цны, за лесом. При том кордоне была лесопилка, механиком которой работал мой двоюродный брат Вася, сын старшего брата папá, дяди Васи. Вася был уже взрослый. Заведующим лесопилки работал Сергей Иванович Дроздов, высокий, худощавый, с военной выправкой — бывший офицер.

Про него отец рассказывал такую историю: в Тамбовскую губернию приехала для борьбы с контрреволюцией комиссия ЧК во главе с Кедровым. В результате начались аресты и расстрелы. Расстреляли даже старушку — помещицу А.Н.Нарышкину, родную тетку наркома Чичерина, в прошлом богатую.

И вот на комиссию, непосредственно к Кедрову, вызывают Дроздова. Кедров его спрашивает, к какой партии он принадлежит (или принадлежал), а он ему отвечает: “Я беспартийная сволочь!” Тот: “Что это значит?” И Дроздов показывает газету “Тамбовская правда”, где подчеркнута им фраза: “...эсеры, меньшевики и прочая беспартийная сволочь”. Кедров ухмыльнулся и отпустил Дроздова.

В последний год моей охоты в Кулеватове я был на Семикинских лугах, а потом зашел на лесопилку при семикинском лесничестве, куда перевели Дроздова. Он мне очень обрадовался. Мы сели на бревнышки, и он меня расспрашивал о наших делах, сам рассказывал, как стравил стрихнином волков, и т.п. Меня тогда поразила его худоба и перевязанная шея. А вскоре он покончил жизнь самоубийством. Он понял, что у него рак горла и, чтобы не мучиться, выпил стрихнина.

На той охоте были папá, я, Кирилл, Дроздов и кто-то еще. Охотились мы загоном, и там я впервые убил зайца.

К сожалению, с осени 25-го года осенние охоты для меня сильно сократились, так как началась настоящая учеба, сперва в Москве, а потом в Тамбове.

XIII. Свалка на Илюхином озере

В Сосновском районе Тамбовской области протекает река Челновая, а недалеко от села Кулеватово входит в нее тихая, небольшая речка Тягля. Начинается она от родников в полях, затем течет к ольховому лесу, в центре которого расположилось озеро Илюхино.

Дальше Тягля вытекает из этого озера и по широкой пойме, также заросшей ольховым лесом, течет уже в Челновую.

В двадцатых годах ольшанник вокруг озера был старый, высокоствольный. За ним вокруг озера — сплавина и плавающие островки.

Летом подобраться к озеру было трудно из-за заросшей тростником и тальником сплавины. Под ногами все ходуном ходит. Того и гляди провалишься.

Из-за высокого леса ветра серьезного внизу у озера не было, и оно почти полностью затянулось ряской.

В общем, озеро было труднодоступным и кормным для уток. Поэтому, когда в августе начиналась охота и в пойме реки Цны, где располагались богатые болота и старицы, дичь распугивали, утки начинали на дневку собираться на Илюхино озеро. Образовывалась на нем так называемая “свалка”, и скапливались там тысячи уток, в основном чирков, но были там также кряквы и широконоски.

Мы с товарищем моим Саньком пробирались на сплавину и смотрели, сколько уток скопилось. А когда их уж очень много становилось, назначался день охоты. Она называлась “разбить свалку”.

Вечером, когда утки с озера поднимались и улетали на кормежку в поля, привозили на подводе лодку и ночью ее перетаскивали в озеро. Ночь целую возились, но еще до рассвета выплывали на плес.

Мы заранее примерно определяли, где крепкие кочки стояли, такие, чтобы человека выдержали. Поэтому ночью более или менее точно ориентировались. Высаживали на такие кочки трех охотников. Обычно мой отец, двоюродный брат, который на каникулы к нам приезжал, Санек или я, а один — тоже Санек или я — в лодке оставался и загонял ее в разводья сплавины, чтобы с воды видно не было.

Ждем рассвета. Небо светлеть начинает, а здесь, за ольхами, еще совсем темно.

Вдруг слышен шум крыльев. Первая стайка летит. И сразу — чмок! — на воду.

Вроде близко сели, а не видно ничего. Кое-как разглядишь, вроде утки. Прицелишься — бахнешь! И не знаешь, убил или нет. Только дым пороховой.

За первой стаей другие. По всему озеру уже пальба идет, а утки все подваливают и подваливают!

Светлее стало. Бьешь уже наверняка. Одно плохо: от шума крыльев и выстрелов так разволнуешься — руки дрожат! А отсюда и промахи!

Все светлее и светлее становится, и все реже летят утки.

К восходу солнца лет прекращается.

Высезжаю, бывает, на плес уток собирать и товарищей окликать.

У каждого дичь есть, у кого пяток, у кого десяток. В те годы нормы отстрела не было. Охотились по принципу: чем больше, тем лучше.

К началу осени опять сваливалась дичь на Илюхино озеро, но уже не в таком количестве. Ведь в конце августа от нас начинал откочевывать к югу чирок-трескунок. Так что дичи вообще меньше до подхода северной утки становилось. Да, наверное, и память у местной утки не такая уж плохая была.

А потом в какую-то зиму вырубил старый ольховый лес на дрова. Доступней берега стали, рыбаки зачастили на озеро, где много крупного карася было. Перестало Илюхино озеро быть “крепким” местом, не стало там больше свалок.

Был я там однажды в 1961 г. Ничего от прежнего такого мрачного и красивого лесного озера не осталось.

Есть ли еще на Руси такие уголки, каким в старые времена было Илюхино озеро? Не знаю. Не встречал!

XIV. “Монплеzir”

Осенью 1925 г. вышло постановление правительства о повсеместном выселении бывших помещиков из их бывших усадеб, и нам пришлось покинуть наш дом. К этому времени истек срок аренды сада. А по постановлению сельского схода предложили отцу сдать обществу мельницу, что отец с удовольствием и сделал, так как последним половодьем был поврежден вешняк и участок плотины за мельницей. Предстоял большой ремонт, а средств на это не было.

Еще весной продали Гнедко, и денег хватило на то, чтобы купить избу-четырёхстенку с сеньями, двором и большим огородом на самом дальнем конце Горлохватовки, практически на берегу Челновой, а задворки с огородом упирались в реку Тяглю.

Одновременно отец приобрел нам лодку. Из-за нее у нас с Лелей возник крупный конфликт. Мы в равной степени стали хозяевами. Я как охотник решил назвать лодку Суязкой (так у нас называлась утка свиязь), а Леля заявила, что с этим названием не согласна и настаивала на своем варианте — Вафельница (конечно, просто мне в пику!). В конце концов на одной стороне лодки была сделана надпись “Суязка”, а на другой — “Вафельница”.

И вот поселились мы в этой избе, которую отец окрестил “Монплезиром”.

Поскольку источники существования сильно сократились, папа вынужден был сдать свой земельный надел обществу и уехать в Тамбов, где он поступил на должность юриста в Тамбовский базарный комитет, так что в Монплезир он теперь приезжал только в отпуск, приурочивая его к открытию охотничьего сезона.

Монплезир был расположен так, что от него хорошо был виден наш большой дом, изгибы Челновой, а левее — Заречка и Агаровские луга, с небольшим поместьем Хлебникова, от которого остались практически лишь небольшой сад-парк и кое-какие полуразвалившиеся постройки.

Лес — “Бор” — теперь стал рядом: по старому мостику Тяглю перейдешь, тут сразу ямы какие-то, заросшие молодым осинником, за ними неширокое поле, а за ним справа — орешник, слева — березняк, а дальше — сосняк. Так что за грибами ходили по мере надобности. На ямах бывали подосиновики, в березняке — подберезовики и белые. А в соснячке — белянки. Обычно одну найдешь, дальше под слоем хвои масса молоденьких. Удивительное дело: в Подмосковье белянки в основном в березняках растут, а там почти исключительно в сосняке.

И за ягодами в бор ходили. Там была вырубка, а на ней земляника. И на этой вырубке росло одно деревце турецкой ягоды (ирги). Как-то наши девочки Дарья и Груша ходили в бор за ягодами, пришли оттуда, и их рвать начало, да чем-то красным. Тетя Анна в панике, бежит к маме:

— Катя, несчастье, девочек кровью рвет!

Мама к девочкам:

— Что вы ели?

— Крушину, мы думали, это турецкая ягода!

— Ну, это не страшно: крушина ягода безвредная, но рвотное средство хорошее!

Еще лучше с рыбалкой было. Помню, сразу по переезду я прямо у дома поставил удочку с живцом на ночь, а на утро снял с нее отличного голавля. Вообще мы с Саньком обычно

под вечер ехали на Тяглю, где масса красноперок водилась, и на муху налавливали живцов. А по всем заводинкам и мысам стояли у нас несколько жерлиц и перемет. До вечера мы сажали живцов на все крючки и ехали домой. А утром объезжали снасти и снимали рыбу. Редко случалось, чтобы снасти пустыми были. Обычно то пара сомов, то судак или щука, или окунь.

Девочки наши уже подросли, и я их тоже к рыбалке начал приучать. Выделил им по удочке для ловли живцов и по одной жерличке. Получалось и у них.

Особенно запомнилось, как утром пошли проверять поставленные на ночь жерлилки, и у Груши (а ей всего-то пять лет) кто-то попался. Она за удилище к себе тащит, а рыба упирается, да еще и ее тащит. В общем, неустойчивое равновесие. Интересно было со стороны наблюдать. Но в конце концов пришлось помощь оказать. Оказался окунь примерно на полтора фунта, т.е. 600 г.

И хорошая рыба ловилась. Помню, один судак 10 фунтов потянул (это значит 4 кг). Сомы тоже ловились и по 10 и по 15 фунтов.

Однажды вечером (это в 1926 г. летом было) кто-то заметил, что светятся окна большого дома. На утро увидели — пожар! Дом кирпичный, но нутро все деревянное, из особых сосновых бревен, привезенных издалека и выросших на песках. Они очень смолистые были, и их никакой древоточец не брал.

Собралось все село, но тушить даже не пытались. Как подступиться, когда огонь и жар во всех окнах и дверях. Да и желания у мужиков не было. Два дня горел дом, пока не осталась пустая коробка.

Я говорил, что уездное начальство думало (слишком долго) организовать в этом доме техникум. Даже когда дом сгорел, вроде выделялись деньги на его восстановление, но сход сельский постановил разобрать его на кирпичи. Послали ходоков в Моршанск и добились своего. А причина была в том, что существовала легенда, будто где-то в стенах дома наш предок Федор Андреевич замуровал ослиную шкуру, полную золота.

И дом разобрали по кирпичикам, но никакого клада в стенах не оказалось.

В отношении самого пожара полагали, что дом нечаянно подождли ребяташки, которые в нем играли. Но у меня на этот счет есть сомнения: не умысленный ли это поджог, все из-за той же ослиной шкуры?

В отношении Монплезира я еще не описал нашу усадьбу. Ну, изба с сенями. Перед домом круглая клумба с петуниями. К тыльной стороне дома прилегал двор с хлевом для коровы Мальты шведской породы, рядом хлев для свиньи и курятник небольшой, а также погребница — это избушка над погребом. Летом мы с Саньком в ней и спали.

За двором картофельное поле, а за ним примыкал к тростникам Тягли огород, где росли свекла, морковь, редиска, фасоль, огурцы и капуста.

Сбоку от дома, в сторону реки, мы посадили несколько молоденьких яблонь. При этом я посадил дичок, а к нему привил два черенка: крупное белое яблоко сорта аркад и другой — мелкое красное яблоко коробовка. К сожалению, до нашего окончательного отъезда яблони еще не стали плодоносить, и мое дерево с разноцветными яблоками я так и не увидел.

Прямо перед домом, только спуститься с высокого берега поймы, вдоль которой притулилась Горлохватовка, расположилась поляна, заросшая осокой и другими травами. Без всякого оформления эта поляна закрепилась за нами, и я ее косил, а сено потом перетаскивали мы с Саньком под крытую часть двора для Мальты. На зиму этого не хватило, и пришлось примерно воз покупать.

Пока у нас была лошадь, я летом с другими кулеватовскими ребятами ездил в ночное, обычно после сенокоса, в луга на отаву. Несмотря на протесты взрослых, как за село выедем, так вскачь на перегонки скакали. Поскольку ни седел, ни стремян не было, то падали. Правда, со мной такого не случалось.

Интересна психология сельчан: с собой нам давали пшено и масло, и каждая мать или отец (кроме моих родителей) советовали прихватить цыпленка, чужого, конечно.

Цыплят-то уйма была у любой хозяйки. Мы не разбирались, чей цыпленок, решали только в своей компании, кому сегодня цыпленка добывать. Обычно ходили по задворкам, где людей нет, и били цыплят куском кирпича или палкой. За пазуху его и ходу! Конечно, если кто попадетя, тому не сдобровать. И хотя сами взрослые учили цыплят добывать, но не своих, а чужих. И те, “чужие” тоже учили!

На луг приезжали уже в сумерки. Лошадей стреножим и по кустам за дровами. На ночь много их надо! Потом ужин готовить, а он, хоть и однообразен был, но вкусен. Варили мы “польскую” кашу.

Тут искусство требовалось. Первым делом ошпишишь и выпотрошишь цыпленка, на куски его порубишь и в котел.

Посолишь, конечно. Когда мясо уварится, сыплешь пшено в нужном количестве. И тут надо строго следить, чтобы каждая крупинка сварилась, но не развалилась. Как этого достигнешь, воду (сливуху) сливают в миску, а саму кашу маслом заправляют. Первым делом в качестве супа едим из одной миски деревянными ложками сливуху. Естественно, чем больше цыплячьего мяса варилось, тем вкуснее сливуха.

Затем в миску вываливается каша с цыпятиной. И тут главная проверка кашевара: каша должна быть рассыпчатой, но не полностью уваренной. Кто поспешит, у того пшено недоваренное, кто прозевает — помазика получается. Надо сказать, что в нашей компании лучшим кашеваром числился Тимоша Заусалин, парень на год старше меня, но и я числился одним из первых. Ни недовара, ни помазики у меня никогда не было!

Когда Карего продали, я еще некоторое время на чужих лошадках гонял от тех семей, где лошади были, а мальчишек не было.

Еще в году 24-м в бору, где был кордон лесника и деревянная двухэтажная (бывшая наша) дача, разместили детский дом. Первоначально между детдомовцами и нами (сельскими ребятами) контакта не было. Но постепенно наладился на рыболовной почве. С питанием в детдоме было не очень хорошо, поэтому подножный корм для них имел существенное значение. Ягоды, грибы, а некоторые ребята занялись рыбалкой и, конечно, у мельницы, где лучше всего рыба ловилась. Постепенно перезнакомились. Был там хороший рыболов Владимир, еще несколько ребят, и среди них Юрка Жилкин, младший брат заведующей детским домом. Юрка был маленького роста, очень веселый и дружелюбный. Был у него, так сказать, официальный недостаток: страсть к путешествиям. В детском доме он постоянно числился в бегах, к чему так привыкли, что не переживали. Вот пропал Юрка. Месяц его нет, иногда два. Вдруг появляется как ни в чем не бывало.

Очень он с нашей семьей сдружился. Позже, когда детский дом перевели куда-то, он летней порой вдруг появляется у нас. Поживет несколько дней, расскажет, где побывал и так же внезапно исчезнет. Уже почти взрослым стал, но оставался недомерком: остом не более полутора метров. Появлялся он у нас аж до 29-го года, последнего лета нашего пребывания в Кулеватове.

От нашего дома хорошо просматривалась дорога на Горлохватовку, что шла от старой усадьбы вдоль Челновой. Мама тогда курила, курили и мы с Саньком. А тут дома ни крошки махорки не осталось. И вот видим идет по дороге Юрка. Мама

и мы с Саньком скрутили по "козьей ножке" и встретили Юрку с ними в руках. Табак у него всегда был!

Зиму он жил у отца, такого же малорослого и беленького, как сын, работавшего учителем где-то за Моршанском. Там и учился.

К сожалению, никаких сведений о его дальнейшей судьбе у меня нет. А жаль, отличный был парень!

XV. Москва

Я уже писал, что зиму 1924-1925 годов Леля училась в Москве, а осенью 25-го года вместе с Лелей повезли в столичный град и меня, грешного, успешно закончившего 3-й класс лесной школы. Леля после такой же учебы (правда, занимаясь еще с Николаем Михайловичем Шестаковым), успешно поступила в 7-й класс школы им. Льва Толстого и перешла в 8-й класс, поэтому и меня сразу зачислили в 6-й класс этой школы.

Я, конечно, сильно отличался от московских ребят, даже внешне: одет я был в рубашки и штаны, сшитые моей матерью. Одежда была удобная, но явно не городская. А на ногах у меня были старые отцовские сапоги, которые были мне, мягко выражаясь, великоваты и, несмотря на большие портянки, ноги в них болтались, как пестик в ступке.

Мои познания в науках тоже существенно отличались от московских. Правда, на первом уроке математики учитель нарисовал на доске маленький тупой угол и большой острый и спросил, какой угол больше. Все заявили, что острый, и лишь я сказал, что больше именно тупой угол. К сожалению, это был первый и последний мой математический успех. Вообще я оказался явно не готовым для шестого класса и крайне плохо осваивал почти все предметы. У нас был очень хороший учитель физики. Преподавал он исключительно доходчиво, с живыми примерами. И в результате закончил я этот учебный год с "неудом" по всем предметам и "отлично" по физике.

Но это было уже потом. В классе я был единственным новичком. Большинство относилось ко мне либо равнодушно, либо с элементом презрения, как к существу низшему. Однако были и ребята, дружившие со мной. Первой практически шефство надо мной взяла черненькая девочка Карпетина (имя не помню, так как в школе именами редко пользовались), наверное, армянка по национальности, а из ребят Гаврилов. Хороший был парень, но после окончания школы он умер, кажется, от туберкулеза.

А вообще о школе этой хорошего вспомнить практически нечего, а плохое в памяти не держится.

Леля жила в семействе Голицыных, а я жил на два дома. Питался и большую часть времени проводил у Голицыных в Еропкинском переулке (между Пречистенкой и Остоженкой), а ночевать ходил на Плющиху, где жил Коля Давыдов, сын тети Ольги. Коля работал тогда на строительстве туннеля на Казанской дороге (он и сейчас действует). Работы там велись лишь в ночную смену, и Коля ночевал в своей комнате только по воскресным дням.

Семейство Голицыных состояло тогда из четырех поколений. Старший, дедушка Владимир Михайлович, бывший Московский городской голова, снятый с работы за левые убеждения и соответствующее поведение, что сослужило его семейству хорошую службу после Октября. Дедушка обычно сидел в торце большого обеденного стола и в необеденное время раскладывал пасьянс.

Следующее поколение — это дядя Миша (Михаил Владимирович) и его жена, тетя Анночка (Анна Сергеевна), старшая сестра нашей мамá.

Затем шли их дети: старший сын, Владимир, художник. Он с женой Еленой жил в отдельной комнате и своим хозяйством. Старшая дочь Линочка, в замужестве Осоргина, жила у Осоргиных. Следующая дочь — Сонечка, тогда еще незамужняя. Не помню, чем она занималась в ту пору. Знаю только, что она позировала художнику Корину при создании им картины “Богомолки”, кажется.

Сын Сергей, ровесник Леле, вместе с ней учился в 8 классе все той же школы им.Льва Толстого, бывшей Алферовской гимназии.

Затем дочь Маша — моя ровесница, и, наконец, дочка Катя (ныне пенсионерка Екатерина Михайловна Перцова). Остальных перечисленных членов семейства в живых уже никого нет.

И последнее поколение — еще пеленочного или слепопеленочного возраста — дети Владимира — Еленка, Мишка и Ларюшка (ныне первый — доктор-геолог, второй — известный художник-график).

Постоянно бывал у Голицыных старший сын Владимира Трубецкого (писателя Ветова), тоже нашего родственника, Гришка. Он на год или два моложе меня был, и мы с ним дружили.

В одной из комнат большой квартиры жил один посторонний жилец, молодой парень — Адамович.

Мы с Гришкой часто проводили у него вечера. Адамович интересовался гальваникой и ставил кое-какие опыты. Например, разлагал воду на кислород и водород, пропуская ток через соляной раствор. Иногда эти опыты заканчивались коротким замыканием, что вело к перегоранию пробок и выключению света во всей квартире.

Однажды Адамович подготовил ванночку с рассолом и предложил провести опыт Гришке. Тот сперва отказывался, тогда Адамович предложил за это дело котлетку. Поскольку кормились мы слабовато, больше углеводами, соблазн был слишком велик. Гришка взял электроды дрожащими руками и свел их слишком близко. Последовала вспышка, и свет погас!

Адамович Гришке: “На скорее котлетку”. А я выскочил в коридор. Навстречу рассвирепевший дядя Миша. Он решил, наверное, что виновник я, и надрал мне уши. Меня дома никогда за уши не драли, а тут еще ни за что, ни про что!

В общем, обижен я был в лучших чувствах. А тут еще очень сильная тоска подому. В общем, решил я кончить жизнь самоубийством.

А как? В то время популярной была песня “Маруся отравилась”, а в ней были такие слова: “десятки коробочек спичек я в теплой воде разведу, стакан у кровати поставлю и выпью отраву до дна”. Это, конечно, относилось к старинным фосфорным спичкам, а не к современным серным. Но я этого не знал. Пошел на кухню, украл пачку спичек, заперся в уборной и в сопровождении горьких слез стал есть одну за другой головки спичек. И ничего, даже поноса не было!

Тогда решил бежать в Кулеватово. А денег-то ни гроша. И пошел я пешком по Пречистенке, через Зубовскую площадь и дальше. Долго шел. Устал, а конца Москвы не видно. Понял, что не выбраться мне из города. Вернулся. Пришел, как из школы, так что никто не заметил моего отсутствия.

С питанием было не очень хорошо, особенно по сравнению с вольными Кулеватовскими харчами. На второе обычно бывала какая-нибудь каша-размазня, чаще всего, по-моему, ячневая или пшенная. Пшено, мясо, птицу битую, масло привозил папá, но приезжал он всего два раза в год, и того, что он привозил, надолго, конечно, не хватало, учитывая число едоков.

При раздаче тетя Анночка говорила: “Масло там”, т.е. положено во всю кашу. Поэтому эта каша стала называться: “каша — масло там”.

Вечерами, если уроков на дом было мало или вообще не было (например, в воскресенье), развлекались как могли.

Часто во главе с Лелей и Сергеем большой компанией ходили по улице хулиганить. Компания была: Леля, я, Маша Голицына, Олечка Голицына (дочка дяди Вовика — брата дяди Миши и товарища нашего отца, отличного мужика. Его дети, в том числе и Олечка, погибли в годы репрессий, но дядя Вовик уцелел и помер уже после войны), Гриша Трубецкой, Оля Бобринская (она вскоре эмигрировала во Францию) и еще кто-то. Сергей ходил с нами не всегда.

Ходили этой компанией, пугали прохожих, отплясывали на тротуаре. Помню, по Лелиному наущению я садился где-нибудь, изображал нищего и причитал: “Подайте, люди добрые, у меня жена-вдова и дети-сироты” и что-то еще в этом же духе. Впрочем, было достаточно весело, чем скрашивалась, в общем-то, тоскливая Московская жизнь.

Из приятных воспоминаний осталась еще поездка на зимние каникулы в Загорск, в гости к дяде Алеше Лопухину (брату мамá) и его жене — тете Тэсе. Почему ее так звали, не знаю. Может, из-за не очень красивого ее православного имени — Фекла?

Тетя Тэся решила угостить нас блинами. Дядя Алеша пошел со мной в рыбный ряд Загорского базара. Дорогой он объяснял мне:

— Вообще-то с блинами положена семга, но она нам не по карману, и купим мы дешевую (тогда) рыбу-кету. Это, конечно, далеко не семга по вкусу, но у нее такого же цвета мясо, и по вкусу семгу она напоминает.

Купили целую рыбину. И ели с ней блины; что было очень вкусно. Поскольку семгу я ел только до революции в четырех-пятiletнем возрасте и вкуса ее, естественно, не помнил, мне кета с блинами очень понравилась.

И еще: друг семьи Голицыных профессор Иловайский, охотник. Однажды он повел меня, Гришу Трубецкого и своего сына Степу на выставку охотничьих собак. Нагляделись мы на пойнтеров, английских, ирландских и шотландских (гордонов), сеттеров. Были там борзые, таксы, фокстерьеры, гончие. Среди последних меня особенно поразили арлекины со своими разными глазами: один карий, другой — голубой. Но, пожалуй, больше всего порастил меня стенд боеприпасов. Дробь в ячейках от думса (№ 11) до картечи и пуль круглых и жаканов. Пистоны красные и желтые для шомолок и централок, гильзы всех калибров, картонные и латунные. Барклаи, закрутки и т.д. и т.п.

К сожалению, Гришка и Степка стали взрослыми к периоду Сталинских репрессий, и оба оказались в лагерях.

В конце пятидесятых годов я встретился с реабилитированным Гришкой. Он рассказал мне, что Степка стал сексотом. Заключенные выявили это дело, и в лесу повесили Степку. Слаб оказался Степка, не выдержал нажима так называемого ВЧ.

Что запомнилось еще: однажды, когда шел в школу во вторую смену, дорогу пересекла большая похоронная процессия. Было много военных, ехала пушка, и на ее лафете стоял гроб. Рядом несли вылинявшие и прострелянные знамена. Это были похороны генерала Брусилова, и процессия двигалась к Новодевичьему монастырю. Брусилов не изменил Родине и вступил в Красную Армию, где занимал пост инспектора не то пехоты, не то кавалерии. Поэтому и похороны были довольно торжественными с большим оркестром, не менее чем батальоном пехоты, эскадронам конников и артиллерийской батареей.

И еще одни похороны запомнились: погиб на операционном столе Фрунзе. Тело его было выставлено в Колонном зале Дома Союзов, и мы, по-моему, классом ходили прощаться с ним. Он лежал на возвышении, окруженный цветами. И был он, как живой, совершенно похожий на свои фотографии.

Долго ли, коротко ли, но прошла зима, а за ней и полвесны, и тогда закончилась моя учеба. Я честно получил “неуд” по всем предметам, кроме физики, по которой получил “отлично”.

Меня все это мало волновало, главное, кончилось московское мучение, и за нами с Лелей приехал папá и увез нас в Кулеватово.

XVI. Лето 1926 года

После московского прозябания до чего же хорошо было в Кулеватове! Собралась дружная компания на нашем конце села: Леля, я, Санек, Матрена, Митька и Виктор Козловы, мои друзья — Иван, Яшка и другие. Вечерами часто пели песни, причем покрывал всех великолепный бас Митьки Козлова. К сожалению, учиться пению ему не пришлось, и для страны этот великолепный бас был потерян.

Бывали мы и на “улице”. Так назывались прогулки и танцы под гармошку или под балалайку (на последней хорошо Санек играл). Тут собиралось много народу, ребят и девчат разного возраста. Правда, не помню, чтобы на улицу Леля ходила.

Танцевали обычно с частушками, не всегда приличного содержания. Ну и ухаживали за девушками. Я тогда ухаживал за ванюшкиной сводной сестрой Настей.

Среди праздников, кроме общеизвестных (Рождество, Пасха, Троица, Спас, Никола), был еще один древний праздник, сохранившийся, видимо, с языческих времен — Ярилки. Этот праздник справлялся вскоре после Троицы. На него все обливались водой. Гонялись друг за другом с какой-нибудь посудой и пытались облить преследуемого.

Беготня начиналась с утра. Воду брали из реки, а поскольку за водой бежали все, обливание начиналось на берегу, а кончалось всеобщим купанием в одежде. Очень это весело было.

Я читал, что в других местах обливались на Ивана Купалу, но у нас в Кулеватове и окрестных селах обливались в Ярилки!

Прошли годы, разорили деревню в тридцатые годы, и Ярилки, так же как “улица” и многое другое, было забыто, и, видимо, никогда уже не восстановится.

Кроме развлечений и делом занимались: ягоды и грибы собирали. За ягодами — земляникой и черникой — ходили либо в Бор, либо за Цну в Казенный лес, за клубникой — в луга. В Бору, на старой вырубке росло одно деревце ирги (турецкой ягоды по-местному).

Интересно, что в 1989 г., когда я снова попал в Бор, я обнаружил там целые заросли ирги. Видимо, потомков того дерева.

Грибы также собирали, помалу в Бору и помногу в Казенном лесу.

Каждый вечер мы с Саньком или то я, то он садились в лодку, ловили на живцов обычно красноперок на Тягле или другую мелочь на Челновой и наживляли свои жерлицы, которые постоянно находились на своих местах.

Утром объезжаю свои жерлицы и почти всегда снимаю хорошую рыбу: то сома, то щуку, то судака, окуня или голавля.

К августу, к открытию охоты, мы с нетерпением ждали папá в отпуск. У нас с Саньком к этому охотничьему сезону не было ни пороха, ни пистонов, ни дробы. Ну, последнее нас не тревожило. Мы с остатков “Гуленьки” наковыряли достаточно свинца, а накатать дробы не проблема. Это нами было хорошо освоено: раскатываешь свинец на пластинки, толщиной в зависимости от требуемого номера дробы, пластинки резали на “лапшу” или на кубики. Их клали на лист железа и чугунной сковородкой катали дробь.

Отец запаздывал. Завтра открытие охоты, а боеприпасов нет. Сходили с Саньком в Отыясы и там в аптеке (в Отыясах были больница и аптека) купили калиевую селитру, а серу нам дали дети ветеринара (у него был сын примерно моего возраста, не помню его имени, и дочь Шура — любовь Санька). Уголь из печки. Все это истолкли и перемешали в ступке. Так что какой-никакой, но порох есть. Самое трудное — пистоны.

Стреляных пистонов из патронов центрального боя сколько угодно, но у них вмятина от бойка. Кое-как с помощью гвоздя и молотка выпрямили их. Потом соскоблили со спичечного коробка черный порошок, истолкли состав со спичечных головок и смешали с тем черным порошком. Положили щепоточку на наковальню. Стукнул я молотком — выстрелило. Ну ладно. У мамы нашелся фольги кусочек. Насыпали в пистон смесь, закрыли фольгой, вставили этот пистон в гильзу, зарядили в ружье — осечка. Сила пружины мала.

У Санька кроме старой централки была еще шомполка, купленная им по дешевке. Но перестали выпускать пистоны для шомполок, и кто их имел, отдавал за бесценку.

У старых шомполок пружины сильнее, чем у централок. Попробовали надеть на боек пистон. Взвели курок, щелкнули — вспышка. Все в порядке. Решили на первую охоту с этой шомполкой идти. Пистоны к шомпольному ружью — узкий и глубокий колпачок, а у центробоя — широкий и мелкий. Как быть? И тут выход нашли: надеваешь на боек пистон, а вокруг глиной обмазываешь. Пистон и держится. Ружье одно, а нас двое. Поканалась. Первый выстрел мне достался.

В первый день охоты дичь непуганая и на любом болоте держалась. Это потом, когда несколько дней ее погоняешь, она в кусты уходит.

Переехали за реку. Ближайший утиный водоем — старица Челновой. Прошли немного вдоль нее — смотрю, плавает утка. Я прицелился, бах ее. На месте. А из куги еще несколько взлетает (выводок оказался), я со второго ствола и влет одну сшиб. Так что пара материков есть (материками у нас кряквы назывались). Дальше пошли, вскоре Санек чирка убил, ну, а последним выстрелом пропуделял Санек по бекасу.

А на другой день приехал папа, и мы встретили его жареной дичью и рыбой (судаком под польским соусом).

Папа привез боеприпасы, и мы вплотную занялись охотой. Леся, как всегда, занималась сбором ягод и грибов. Ей часто помогали младшие.

Из Отыясс, из Хлебникова, Огарева в Кулеватово основная дорога была по гати и мосту, а самый короткий путь —

пешеходный, через луга, с перевозом от Заречки до Горлохатовки. Тут восьмилетняя Дарья отличалась: когда взрослых дома не было, а с Заречки просят перевезти, Дарья отвязывала лодку и гнала ее поперек Челновой, за что часто получала гостинцы.

В общем, лето это было для нас безоблачным.

Но, к сожалению, все имеет конец, в том числе и летние каникулы у нас и отпуск у папá. Так что в конце августа Леля уехала в Москву, а меня, грешного, повез отец в Тамбов поступать в Тамбовскую школу.

XVII. Тамбов

От Кулеватова до Тамбова 55 верст (это около 60 км). Дорога тогда шла по селам и деревням: Семикино, Перкино, Поганки (после переименованное в Малиновку), затем после небольшого перерыва длиннейшие села Черняево и без разрыва переходящее в Горелое, потом Татаново, Донское, а затем и Тамбов.

В Черняеве жил бывший лесник Кулеватовского кордона, друг папá Мордасов с семейством. И по дороге в Тамбов отец останавливался у него кормить лошадь и пообедать.

Семья Мордасовых большая, был сын — мой ровесник — и много младших. Знаменитая ныне заслуженная артистка страны Мордасова тогда либо в люльке качалась, либо по полу ползала.

Приятная была семья, очень гостеприимная. У отца с главой семейства разговор в основном о прошлом, о совместных облавных охотах. Об урожаях разных лет вспомнили. В те годы (до 28-го) сельская жизнь была большей частью безоблачная, и крестьянское хозяйство в полном смысле процветало.

Но вот и Тамбов. Пока отец один, а потом только со мною, жил у своего брата, моего дяди Юши. Семья их состояла из трех человек: дядя Юша (Юрий Васильевич Давыдов), его жена тетя Катя (Екатерина Ивановна Ланская) и сын Кирилл, на год или полтора старше меня. Дядя Юша, очень толстый, да еще с огромной грыжей внизу живота, передвигался с палочкой. Он в царские времена был сенатором, а в описываемое время работал ведущим специалистом в Тамбовском Госплане.

Тетя Катя была женщиной сугубо хозяйственного склада и прекрасный кулинар.

Учитывая немногочисленность семьи, нашлось место и мне.

Сравнительно недалеко от их дома располагалась школа № 8, в восьмом классе которой учился Кирилл. Туда приняли и меня, снова в шестой класс.

Меня посадили на одну из передних парт, рядом с ребятами года на два младше меня, Володей Стрезикозиным (отличником) и Виктором Боровым. Виктор был темно-рыжим и таким конопатым, что конопушками даже руки и шея были покрыты. Очень скоро мы с ним сдружились. В общем, здесь я быстро притерся и стал равноправным членом коллектива, далеко не так, как в Москве. Правда, московская учеба не прошла даром, и учиться мне стало легко, практически по всем предметам, кроме немецкого языка, который мне никак не давался. Лишь по обществоведению, которое в Москве было в зачаточном состоянии, я однажды рассмешил класс, когда на вопрос учителя, что такое мануфактура, начал объяснять, что это ситец, сатин и другие ткани.

Вообще класс был самый нормальный: главные хулиганы, братья Мошковы с приятелями, как положено, располагались на Камчатке (т.е. на задних рядах). Отличники впереди (я к ним случайно затесался, поскольку приехал с опозданием на несколько дней после начала занятий). Посередине класса проход, по левую сторону прохода ребята, по правую — девочки.

Легче здесь, чем в Москве, было и потому, что по воскресеньям мы с Кириллом ходили на охоту. Буквально в километре от южной околицы города располагалось сравнительно небольшое озеро Красное. Оно было окружено плотной стеной тростника, а между ним и полем шла заболоченная низинка, в которой держались бекасы.

Недалеко за Красным было большое болото Каблы с ольховым мелколесьем по кочкам. Там, кроме бекасов, водились коростели и чирята.

А в двух километрах за рекой Цной простирался все тот же Казенный лес, что и в Кулеватове.

Так что до глубокой осени, до отлета последних вальдшнепов и гаршнепов, мы каждое воскресенье были на охоте. И почти всегда возвращались с дичью. Армида пока оставалась в Кулеватове, и мы ходили вдвоем с Кирилловой Долькой и стреляли из-под нее по очереди, или, если первый пропуделяет, стреляет второй.

Недавно я прочел в "Огоньке" очерк Задорнова о поездке в Америку, где он встретил своего друга, эмигрировавшего туда лет пятнадцать назад. Так этот друг, встретив его у

самолета, тут же начал материться — как он объяснил, соскучился по мату. Это мне очень напомнило охотничьи наши походы с Кириллом. Неделю это корректный юноша, ни одного черного слова от него не услышишь. А в воскресенье, вдалеке от публики, он становился и во все горло орал разные матерные сочетания, чем, как он говорил, отводил душу.

В школе во главе с учительницей биологии Лидией Николаевной был организован кружок естественной истории. Естественно, что я, а за мной и Виктор Боровой и Володя Стрезикозин (Стрезя) вступили в этот кружок и стали его активом. Девочки в кружке в основном занимались растениями. Выращивали кактусы и другие комнатные растения, осваивали гербарное дело. Последним и Виктор увлекся, а я увлекся палеонтологией, чему способствовали книги Нечаева, прочитанные в детстве. Началось с того, что папа купил мне у базарного букиниста “Историческую геологию”, а я где-то добыл книгу замечательного французского палеонтолога Кювье. По первой книге я быстро освоил историю развития земли, со всеми ее эрами и периодами, а по второй — ведущие окаменелости, по которым определяются эти эры и периоды.

Как-то уже зимой, изучая биологию птиц, Лидия Николаевна стала сетовать, что трудно объяснять все на пальцах и по картинкам. Тогда я взял ружье, пошел в лес и убил пестрого дятла. Его препарировали и отдельные органы заспиртовали. Особенно интересный был пищеварительный тракт с длинейшим зазубренным языком, которым дятел извлекает короедов и другие личинки. На зимние каникулы я пешком пошел в Кулеватово. Ходил тропить зайцев, друзей всех обошел, на посиделках бывал. Одно плохо: уж больно коротки каникулы!

И снова Тамбов, школа и прочее.

Начали мы с Кириллом и деньги зарабатывать.

Охотничий сезон давно прошел, воскресенье освободились. И мы стали ходить на дровяной склад. Центрального отопления в Тамбове тогда не было, топили везде печами. На дровяном складе народ покупал дрова, а мы предлагали свои услуги — поколоть их. Предложений всегда было много, и без работы мы не оставались. Конечно, следили за погрузкой дров и услуги старались предлагать тем, у кого дрова без крупных сучков. Боялись также примеси вязовых дров: они и без сучков плохо кололись, оправдывая название дерева.

Как я уже говорил, отец работал юрисконсультом Тамбовского базарного комитета. Возглавлял это заведение приятель папа — Палеолог, далекий потомок Византийских царей. Там же работал Борис Кирин, из семьи известных Тамбовских

адвокатов Кириных. Помню еще машинистку Марину Попову, сестра которой Катя училась в восьмой школе в параллельном классе.

В 1925 году тучи над нэпом еще не сгустились, и он процветал. В частных магазинах и лавочках всего было вдоволь, и все было дешево. Например, добротные сапоги-вытяжки стоили 7-10 рублей, а головки вообще за 3 рубля отдавали.

Поскольку на базаре отец был своим человеком, он часто приносил горячую, только что отваренную колбасу. Очень вкусную.

Ничем не примечательным был и 27-й год. По весне я перешел в 7-й класс с плохой отметкой только по немецкому языку. На каникулы я из Тамбова, Леля из Москвы вернулись в Кулеватово.

В то время довольно распространенной болезнью было воспаление лимфатических желез, у кого — подмышкой, у кого — под нижней челюстью, а у кого — в паху. Как раз последним, воспалением в паху, наградила Господь Бог и меня. Так что я еле ходил с палкой. Поэтому утром Леля, Санек или мамá доводили меня до лодки, я залезал в нее и целый день проводил в лодке, занимаясь в основном рыбной ловлей.

А опухоль в паху все росла, и очень больно было. И длилось это долго, аж до Петрова дня, до открытия охоты. В тот день я взял ружье и поехал еще в утренних сумерках на Тяглю. Стал у камышей в лодке, смотрю — летит прямо на меня “на штык” материк (кряква). Я стреляю почти вертикально вверх. Падает материк, и я тоже — в лодку (от отдачи). И чувствую резкое облегчение: прорвался нарыв в паху.

Поплыл к дому, промыли все это, поставили компресс, и пошло дело на поправку, да так, что дней через десять я смог уже за бекасом и прочей дичью по болотам бродить.

А потом снова Тамбов, школа, встречи со школьными друзьями, учеба, а по воскресным дням походы с Кириллом на охоту.

Осенью из Кулеватова на зиму приехала в Тамбов мамá с младшими детьми (Дарьей и Грушей), с их воспитательницей — тетей Анной и Армидой, что особенно меня порадовало, так как на охоту я ходил теперь уже со своей собакой, как по последним бекасам, так и по вальдшнепам.

Окончила среднюю школу-девятилетку в Москве Леля и тоже приехала в Тамбов. Здесь она вскоре поступила на работу в Стазр (станция защиты растений). Сперва эта работа ее увлекла, и она с восторгом рассказывала о работе и руководстве станции. Однако проработала она там меньше года, а потом поехала в Москву пытаться продолжить образование.

И действительно, ей удалось поступить в МВТУ им. Баумана. Правда, училась она там недолго. При очередной чистке ее исключили из вуза как дочь лишенца.

Там же она устроилась вместе с Машей Голицыной на временную работу по упаковке коллекции Московского геологического комитета. Оттуда она перекочевала на краткосрочные курсы коллекторов и вскоре уехала в экспедицию куда-то в Казахстан. Но все это было уже позже описываемого периода.

Более богатый событиями был 1928 год. Весной я закончил седьмой класс, получил свидетельство об окончании школы-семилетки, т.е. неполное среднее образование. В школе № 8 восьмого и девятого классов не было, и мы сразу понесли документы в школу № 11, что на Варваринской площади. И тут у меня вышла осечка: отец с матерью стали “лишенцами”, т.е. их лишили избирательных прав, и меня как сына лишенцев в восьмой класс не приняли.

Таких, как я, по городу набралось порядочно и родители начали усиленно хлопотать. В результате при школе № 1 (бывшей гимназии), расположенной в центре города, разрешили организовать класс самокупаемости, т.е. класс с платным обучением.

Когда осенью мы собрались в этот класс, кроме меня, сына дворянина, там оказалась невзрачная, рыжая и носатая девочка Надя Орлова-Давыдова. Фамилия известная, в частности по войне 1812 года, где ее предок-генерал был весьма заметной фигурой. Была там княжна Кугушева из кавказских князей — высокая, смуглая и красивая. Было несколько нэпмановских отпрысков. В общем, клан подобрался далеко не пролетарский.

Жаль было расставаться с товарищами — Боровым, Стрезикозиним и другими, поступившими в школу № 11.

Первоначально в Тамбове мы поселились в довольно скверном домишке, на Покровской улице, далеко от центра, но в 28-м году переехали в хорошую квартиру на Варваринской площади в дом, принадлежащий домовладельцу Жеромскому.

В классе “Д” школы № 1 я сдружился с Олегом Кириным — младшим из большой Кириной семьи. Старший брат Олега, адвокат, жил отдельно, так же как и второй сын (сослуживец папы, наш сосед по Варваринской площади). А в семье жили старшая сестра Ольга, Зоя, другая сестра, на год старше Олега, Нина и братья Леонид, Валерий и Глеб. Самый славный был Валерий, но в том же 28-м году он заболел скарлатиной и умер.

Олег был парень немного “не от мира сего”: все он воспринимал как-то по-своему, пытался спорить с учителем литературы по поводу его “марксистских” характеристик героев Тургенева и Толстого. Ненавидел обществоведение и совершенно не способным был на уроках физкультуры. Он на турнике не мог подтянуться даже до подбородка.

После школы Олег поступил в текстильный институт, кончил его и работал на какой-то фабрике инженером. В 1940 г., во время финской войны, он был призван в армию, попал на фронт и в первом же бою был убит. Для военных дел он явно не годился.

С самого начала учебного года мы в классе решили выпустить рукописный литературный журнал. Возглавил это дело наш классный поэт Семенов, а редактором стал Олег Кирин. Я тоже принял участие в журнале. Поместил в нем пару стихотворений и рассказ о том, как зимой на засидке я пропуделял по лисе и зайцу, стреляя не в них, а в их тень на снегу.

Почему-то мой рассказ вызвал недоверие читателей. Говорили, что этого не может быть и я просто фантазер.

После выхода журнала в школьной стенгазете была напечатана рецензия с резкой критикой стихотворения Семенова за пессимизм и “есенинщину”. После этого директор школы “посоветовал” нам прекратить выпуск журнала. Так что удалось выпустить всего два номера. Вообще класс был довольно активным, и в нем постепенно возникли определенные группы. Среди девочек выделялась группа Нади Орловой-Давыдовой с подругами Носовой, Гедионовой, Губернаторской и Малыгиной. Последняя — очень миловидная девочка, но с гонором. На другой год ее брат, балуясь с отцовским ружьем, выстрелил и изуродовал ей правую сторону лица. Поэтому в учебе она год пропустила. Когда я приехал в Тамбов в конце сороковых годов, я узнал, что Малыгина стала крупным (в областных масштабах) театральным деятелем и чуть ли не главным режиссером театра им.Луначарского. Несколько старших ребят группировались вокруг Семенова. Это Третьяков, Медведев, Иноземцев, Самсонов. Эти ребята пытались главенствовать в классе, чему способствовала сила огромного парня Медведева.

Остальные ребята и девочки дружили друг с другом, но определенных групп не образовывали.

Возрастной состав класса 16-19 лет, и, естественно, многие ребята ухаживали за девочками. Наиболее стойкий роман был у красивого деревенского парня Кудрявцева с очень красивой девочкой Белоусовой. Наш класс имел товароведческий уклон, и по окончании обещали выдать путевки на работу.

Так эта пара по окончании школы уехала в Забайкалье, кажется, уже мужем и женой.

XVIII. Наша идеология

Отступая от хронологии, расскажу о взглядах нашей семьи на окружающую действительность.

Отец ни к какой партии никогда не принадлежал, но, похоже, придерживался кадетских взглядов, о чем я сужу по тому, что он с увлечением читал мужикам лекции про декабристов и не раз говорил, что лучшее правление — это конституционная монархия. К абсолютной монархии он относился весьма отрицательно.

Что касается Советской власти, то первые годы (до раскулачивания и коллективизации) он относился к ней лояльно. Когда в начале революции он ездил в Тамбов, то встречался там со столетним тогда дядей своим, князем Челокаевым, и тот говорил ему, что каждая эпоха обладает своей властью и, если она обеспечивает введенный ею порядок, то к ней надо относиться положительно. Примерно в этом же духе воспитывались и мы с Лелей.

Явной монархисткой была тетя Анна. Поскольку у нас с ней были сугубо натянутые отношения, ее монархизм и мечты о перевороте у меня вызывали протест.

Поскольку в уже описанные годы, с начала нэпа, село процветало, а с представителями старого дворянства мы общались мало, какие претензии могли у нас быть к властям?

В общем до 28-го года наша семья к Советской власти оставалась вполне лояльной, придерживаясь принципа, высказанного стариком Челокаевым.

Мы очень гордились нашими успехами в спасении экспедиции Нобиле, когда ледокол Красин, а с ним и летчики Чухновский и Бабушкин спасали итальянцев.

Пилот Бабушкин приезжал в Тамбов и со сцены театра им.Луначарского рассказывал об этом деле.

Однако, когда начались “твердые задания”, поиски спрятанного хлеба, раскулачивание и насильственная коллективизация, когда начали душить налогами частников, отношение к власти у нас стало отрицательным.

А несколько позже, когда мы с Лелей встретились на Южном Урале, где искали для страны медь и золото, мы прониклись идеями индустриализации, для которой требовалось разведывать месторождения разных руд. Помню один разговор с Лелей о том, что, поскольку мы находимся, так сказать, в

передовом отряде индустриализации, мы пока не имеем морального права обзаводиться семьями, так как семья требует внимания и усилий, а это нам помешает все силы отдавать на поиск металлов. Но это было уже позже, кажется, в 32-м году.

XIX. Общество науки и развлечений

Когда наша семья поселилась в доме Жеромских на Варваринской площади, у наших девочек Дарьи и Аграфены появились друзья, в первую очередь внуки бывшего Тамбовского помещика Комсина и дети некоторых жителей окрестных домов. Постепенно я включился в их компанию в роли вожака. Тогда нам с мамá пришла в голову идея организовать из детей общество, которое назвали “Общество науки и развлечений”. Почему развлечений — это понятно: тут и коллективные игры, и походы, например, в большой Комсиновский сад, располагавшийся невдалеке к югу от площади. А почему науки — потому, что решили собирать коллекции окаменелостей и бабочек. Правда, камни с окаменелостями собирал я в основном один. Так нашел я кусок окремневшего фузулинового известняка, с хорошо видимыми фузулинами — разновидностями радиолярий каменноугольного периода, окаменевших кораллов и двустворчатых моллюсков девонского периода. А однажды зимой я ходил на лыжах за город и там увидел предназначенный для мостовой штабель белого песчаника, не то мелового, не то третичного периода. Я стал осматривать камни и на одном из них обнаружил отпечаток листа, похожего на ивовый, но пошире. Попытка отколоть кусочек с листом с помощью других камней — тщетно. Что делать? Камень-то большой, не меньше пуда весом. И тащить тяжело, и оставить жалко. Все-таки взвалил на плечо и побрел в город, километра три. И стал этот камень украшением моей коллекции.

Мы даже общественную библиотеку собрали из детских книжек. Точно не помню, но она помещалась в какой-то будке. И читателей было больше, чем членов нашего общества.

На общем собрании общества был принят его устав, сочиненный мною и мамá.

Когда ходили в какой-нибудь поход, а я уже тогда обладал солидным ростом, картина со стороны, наверное, выглядела оригинально: идет такая дылда, а вокруг члены общества мал мала меньше!

В Кулеватове на мельнице плотник сделал мне несколько правилок для бабочек разных размеров.

Не помню где достали коробку специальных коллекционных булавок, а в аптеке купили эфир. Так что с весны начали мы собирать коллекцию бабочек.

Бабочек в те годы в городе и за его пределами было очень много и самых разнообразных. Их мы ловили и на площади, и в Комсинском саду и во время загородных походов. И были у нас, кроме самых обычных, и такие редкие, как аполлон, махаон и даже подолариус.

Вечерами, когда зажигались фонари, к нам слеталась масса ночных бабочек: всевозможные совки, шелкопряды и — что у нас особенно ценилось — бражники. Были у нас все три вида ленточниц: желтая, красная и синяя, сиреневый и винный бражники. Не удалось нам добыть только самую крупную ночную бабочку — мертвую голову. Мы ходили в городской музей и любовались несколькими экземплярами их, но самим даже видеть на воле их не приходилось.

Наш пример пробудил интерес к коллекционированию бабочек и у других ребят. Так, увлекся этим делом ученик 11 школы Сальников. У него тоже скапливалось хорошее собрание бабочек, и иногда мы обменивались с ним.

Моя деятельность в этом обществе одобрялась родителями его членов. Кажется, только тетя Анна не проявляла особого восторга и продолжала в разговорах со своими знакомыми старушками жалеть Катю (мама́), что у нее растет сын настоящий бандит.

Когда мы жили у Жеромских, жила с нами и Армида. Осенью мы с ней на охоту ходили, а зимой я с ней на лыжах катался. По накатанной лыжне и по гладкой санной дороге она во всю прыть тащила меня на лыжах. Очень радовалась она этим прогулкам. Это и естественно, собаке, привыкшей к сельской свободе, тоскливо сидеть в комнате!

А однажды был такой случай: мама́ с увлечением читает книжку, а Армида просится на улицу. В ответ:

— Сейчас, Армида, — и продолжает читать.

Армида снова просится и тот же ответ получает. После третьего раза мама́ отрывается от книги и слышит какую-то возню с дровами на кухне. Подходит и видит картину: Армида берет полено, идет и укладывает его под входную дверь. Оказывается, Армиде приспичило, она не выдержала и пописала под дверь и немножко пролилось под дверь на пол кухни. Вот Армида и таскает дрова, чтобы укрыть этот грешок.

Кроме Армиды жила у нас большая серо-полосатая кошка. С Армидой они сдружились, и кошка привыкла спать на Ар-

миде. Армида свернется на своем коврике, а кошка на ней. Обоим тепло и мягко. Бывало, Армиде уже спать хочется, а кошка все бродит по комнате. Армида не выдерживает, встает, хватая кошку за шиворот и тащит на место. Кошка не возражает и покорно забирается на Армиду, и обе засыпают.

Перед Пасхой мы обычно накрывали на стол, а тогда он обильный был: целый окорок ветчины, традиционный пирог с рисом и свиной, лещ горячего копчения, пасха, кулич, яйца. Ночью идем в церковь (она напротив нашего дома стояла) на пасхальную заутреню, а по ее окончании идем домой и садимся за стол разговляться.

Вот, по-моему, это в 29-м году было, выходим из церкви и слышим приглушенный стенами и закрытыми окнами лай Армиды. Мы бегом к дому, к окну и видим такую картину: на столе, да прямо на пироге, стоит кошка, спина дугой, хвост распушенный, а рядом Армида, поставив передние лапы на стул (на стол ей запрещалось класть лапы), с возмущением в голосе лает на кошку. Какое право она имела на святая святых — накрытый стол забраться?

Умная была собака!

XX. Сгущаются тучи над нами

Зимой, на Новый 1929 год, на зимние каникулы я был в Кулеватове, но охота была неудачная. Только один раз, прячась за воз сена, я подобрался к стайке куропаток и выбил пару. А потом, пробираясь через тростники, я увидел невероятно маленького, не больше воробья, дятла, который долбил узел тростника. Решив, что это новый вид, задумал убить его и передать в Тамбовский музей. Убил, принес домой, положил в сенях на поленья, а там его мыши съели. Очень было обидно. Никогда больше не приходилось видеть таких дятлов. Не нашел я его и в определителе.

В Кулеватове я впервые устышался так называемых “твердых заданиях”. Это справным хозяйствам предписывалось сдать государству определенное количество хлеба. При этом назначалось столько, что уже до нового могло не хватить. Мужики начали прятать хлеб, а комиссии из активистов этот хлеб искали, и если находили, то выгребали все под чистую, не оставляя ни на еду, ни на семена.

Возвращался в Тамбов пешком. На охоту и в дальние походы мы ходили босиком, а осенью и зимой — в лаптях. И на поход из Кулеватова в Тамбов мне попались неважные

лапти. Уже к Тамбову подошла, а затем и портянки протерлись, и последние километры шел я, как летом, босиком.

В Тамбове начали усиленно прижимать нэпманов, облагая их непосильным налогом.

Отец как юрисконсульт базарного комитета вынужден был писать жалобы нэпманов, доказывая необоснованность повышенных налогов и часто выступать в суде в качестве защитника нэпманов.

На лето мы снова выехали в Кулеватово и там обнаружили панику. От твердых заданий власти перешли к раскулачиванию. В первую очередь раскулачили и выслали куда-то священника отца Степана, дьякона и Сибирского.

Начали усиленно агитировать мужиков организовывать колхозы.

В Кулеватове нашлись молодые мужики, решившиеся построить колхоз, но не в самом селе, а выселившись за Цну по Черяпку.

Этот небольшой, но довольно благополучный колхоз существовал долго и был ликвидирован при укрупнении колхозов. Сейчас никого из колхозников там не осталось, а избы и усадьбы в основном распроданы дачникам из Моршанска и Тамбова.

Добрались наконец и до нас: нам предложили сдать дом и уезжать из Кулеватова. К счастью, не в порядке спецпереселения. Так что, оставив тяжелые вещи, продав корову, мы подались в Тамбов, а Мария Игнатьевна с Саней — в Перкино, где учительствовала ее дочь Нюша.

Лето в Тамбове мы прожили довольно спокойно. Мы с Дарьей, Грушей и другими детьми занимались в своем “обществе”. Работала у нас библиотека, ловили бабочек.

С Кириллом до начала охотничьего сезона ездили на его лодочке в Эльдорадо: так назывался остров на Цне, выше Тамбова. Там по воскресеньям были гулянья, играл оркестр. Много ларьков и закусовых было. Продавали там вкуснейший напиток — “Русский мед”. Вроде и градусов в нем было немного, но я-таки умудрился выпить один раз. Но вот пришла осень, и кончил свою деятельность базарный комитет: его прикрыли, а всех сотрудников, в том числе и папá, арестовали.

С арестом отца кончились средства к существованию нашей семьи. К счастью, мир не без добрых людей. В Кулеватове весной мы посадили картошку, но уехали рано, и она осталась. Когда в Кулеватове узнали об аресте отца, мужики выкопали нашу картошку. Григорий Власич и Яков Василье-

вич погрузили на две подводы, от себя добавили пшено, муку, масло и привезли все это в Тамбов.

Пришел Новый 1930 год. Нерадостной была его встреча. А вскоре в "Тамбовской правде" появился фельетон о том, что в школу № 1 проникли дети классовых врагов: помещиков, попов и кулаков.

Собрался педсовет, пригласили нас, грешников, всех семерых человек, названных в фельетоне. И началось: вот вы такие-сякие, обманым путем проникли в советскую школу.

Особенно меня поразило выступление учителя русского языка и литературы Сахновского. Он был знаком с нашим семейством, сам способствовал организации класса самообразования и моему в него поступлению. А тут и обманщики мы, и настоящие враги, и т.д. и т.п. Особенно он почему-то на Кугушеву и на меня набросился. Давали и нам слово. Кугушева сказала:

— Да, я княжна, но ничего зазорного в этом не нахожу, и никого я не обманывала. Об этом знало руководство школы, в том числе и учитель Сахновский.

Я тоже сказал, что никого не обманывал, почему и поступил в класс самообразования.

А потом объявили голосование и единогласно всех нас исключили.

И началась у меня новая жизнь: по утрам я ходил по учреждениям, имеющим отношение к образованию, с заявлением о восстановлении меня в школе, днем ходил на дровяной склад, иногда носил в тюрьму передачу отцу.

Правда, немного и охотился. Последняя моя охота окончилась довольно печально: у моего ружья стерся экстрактор, и если патрон входил в патронник туго, то он его не выдавал. Поэтому приходилось его выбивать шомполом или еще чем. Поскольку шомпол таскать неудобно, я отбил головку у шпингалета и, бросая в ствол, выбивал гильзу или патрон. Как-то выстрелил из правого ствола по куропатке, стал раскрывать ружье, а в левом патроннике застрял заряженный патрон. Я бросил в ствол шпингалет и нечаянно захлопнул затвор. Произошел выстрел. Ружье выше цевья я держал левой рукой. В этом месте в стволе образовалась дыра, отрезок правого ствола выше дыры отогнулся вправо, а левая рука, вернее, большой и указательный пальцы, оказались разорванными. Кровь течет. Замотал я руку носовым платком и, держа ее вверх, чтобы меньше кровоточила, побрел домой, пугая прохожих. Дома мама залила это дело йодом (вот шипало!) и забинтовала. К счастью, газы и копоть от дымного

пороха — прекрасный антисептик, и рана моя довольно скоро зажила. Теперь шрам виден только на большом пальце.

Виктор Боровой обрезал поврежденную часть ствола. Осталось и без того короткое ружье со стволами, чуть выступающими за цевье.

До самого апреля месяца обивал я пороги различных учреждений, прорываясь ко все более высоким чиновникам. В высшей инстанции наробраза мне отказали окончательно, и я переключился на рабоче-крестьянскую инспекцию, сокращенно РАБКРИН. И вот когда я добрался до главного начальника этого заведения, он, расспросив меня о происхождении, о сидящем отце, подумал, вызвал секретаря и приказал ему выписать предписание в наробраз о восстановлении меня в девятом классе. Помчался как на крыльях в наробраз, и там направили меня, но не в первую школу, а в одиннадцатую, где учились мои друзья по восьмой школе: Виктор Боровой, Володя Стрезикозин и другие.

Но за время моего вынужденного прогула учеба у них шла, а у меня нет. А проходили за это время тригонометрию и логарифмы, что-то по физике, химии и другим предметам. А до выпускных экзаменов всего месяц остался.

И засел я за учебники. Теперь только школа и домашние занятия до часу, а то и до двух часов ночи. И без выходных. И как это ни странно, на экзаменах я сдал все предметы нормально, кроме немецкого, который мне все же засчитали, и получил я свидетельство об окончании школы-девятилетки, т.е. о полном среднем образовании.

А тут состоялся суд, и отцу дали три года по статье 58 п.10 (контрреволюционная агитация) и отправили в Архангельскую область.

Отец, отсидев свои три года, был освобожден. А вот Борис Кириин так и не вернулся. Погиб в лагерях.

Сперва отец был просто ссыльным, и к нему даже мамá с младшими детьми ездила. А потом был переведен в Котласский лагерь.

Отец всегда располагал к себе людей. А в лагерях всегда существовал антагонизм между “ворами в законе” и каэрами, т.е. политзаключенными. А папá, хотя и каэр, но в бараке с уголовниками он расположил к себе окружающих, и “пахан” — глава уголовников — вел с ним задушевные разговоры.

И был такой случай: прибыл новый этап, и вот у папá украли единственную его ценность — золотое обручальное кольцо. Отец, конечно, очень расстроился. Пахан заметил это, спрашивает: что, отец, пригорюнился? Отец сказал. Тот

страшно возмутился и говорит: Не горюй, найдем твое кольцо! К вечеру в конце барака какой-то шухер поднялся, кого-то били. А потом приходит пахан и вручает отцу кольцо. Молодежь, говорит, порядка не знает. Пришлось поучить.

Семье нашей в Тамбове делать уже было нечего, тем более что дядю Юшу поперли из Госплана и тоже после посвященной ему заметки с карикатурой в газете “Тамбовская правда” о том, как пробирался в важное Советское учреждение бывший сенатор.

И списавшись со своей сестрой, тетей Анночкой Голицыной, забрала мамá младших девочек и тетю Анну и поехала в Москву.

И остался в Тамбове один я.

Денег, заработанных на дровах, было мало, содержать большую квартиру было не на что. Пришлось сложить мебель, коллекции мои и книги в сарай Жеромским. Им же пришлось отдать и Армиду. Она их знала, так что уход за ней был обеспечен. Единственный недостаток — не охотник Жеромский.

А сам я переселился на другой конец города, на улицу Скатино-Кузнецовскую (Скатин и Кузнецов — казненные в старое время Тамбовские революционеры), в квартиру наших знакомых — Херсонских. Семья была небольшая: мать, дочь и то ли тетя, то ли бывшая няня дочери — Шуры, подруги и ровесницы нашей Лели.

Кончив школу, надо было устраиваться на работу. Не помню, кто меня рекомендовал гидрогеологу Тамбовского Госсельмелиотреста Разину. Он меня оформил на должность старшего рабочего.

XXI. Геология

Деятельность моя началась с того, что под непосредственным руководством Разина я документировал и упаковывал образцы пород, извлеченных из скважин, бурившихся под воду. Для меня эта работа была очень полезна, научила меня коллекторской документации и умению распознавать нескальные горные породы разных периодов по типичным признакам. Так, верхние слои — это четвертичные отложения; суглинки с валунами (галькой), морена, перемытые пески с галькой и гравием — флявио-гляциальные отложения. Толща третичных отложений характеризовалась наличием тонкого битуминозного пропластка. Отложения мелового периода были под Тамбовом представлены глауканитовыми

слоями сенонского и сеноманского ярусов, подстилаемых чисто кварцевым песком альбского яруса. Ну, а юрский период представляли черные и жирные глины.

Когда все эти премудрости я освоил, Разин послал меня описывать обнажения по склонам оврагов, пересекаемых отрезком железной дороги между Тамбовом и Козловом (Козлов — прежнее название Мичуринска).

Оврагов там было немного, так что я за три дня управился. Особенно я гордился тем, что меня предварительно научили пользоваться anerоидом и доверили мне этот прибор для примерного определения высотных отметок, принимая за “0” отметки головок рельс.

На работе мне выдали сколько-то денег на расходы. Тогда еще никаких авансовых отчетов не требовалось, а денег выдавали с запасом.

В конце лета была организована изыскательская партия для обоснования строительства рыборазводного хозяйства в районе станции Ржакса на дороге Тамбов — Балашев.

Начальником партии назначили топографа Владимира Ивановича Берга. Сотрудниками были его жена и я. Супруги Берг занимались геодезической съемкой местности, а на мне лежала геологическая разведка территории будущего рыбхоза. Рабочих набирали на месте.

Из оборудования у меня было три штанги длиной по два метра, бур-ложка и металлический хомут, за рукоятки которого крутили и извлекали буровой став.

Владимир Иванович указывал точки, где надо бурить, я с двумя рабочими бурил, извлекая бур-ложку с каждого метра, отбирая образцы пород и по возможности описывая их.

Пойма реки Ржаксы оказалась заполненной алювием, представленным голубыми (оглееными) глинами с прослойками песка.

Плохо было то, что мои ботинки от постоянного намокания “запросили каши”. А поскольку к этому времени нэпманов уже ликвидировали, вся торговля стала государственной, и такой дефицит, как кожаная обувь, из свободной торговли изъяли.

Поехали мы с Владимиром Ивановичем в районный центр (село Ржакса). Заходим в магазин, там на видном месте висят хромовые сапоги. Однако для их покупки надо сдать какое-то количество яиц или масла. А где нам взять эти продукты?

Пошли к районному начальству. Вроде доказали, что мне нужны сапоги для работы. Не помню, какой это был начальник, только он вызывает какую-то даму и говорит ей, что надо продать одну пару сапог. А она и говорит: “У нас в магазине

только хромовые сапоги, он в них все равно в болото не полезет и лишь на гулянках щеголять будет". И как я только не доказывал, показывая свои ноги, что любые, даже хромовые сапоги, мне нужны для работы, а не для гулянки! Доводы этой дамы для начальства оказались более убедительными, и сапоги мне продать отказались. Так и пришлось мне до глубокой осени топтать по болоту в рваных ботинках. Хорошо, что я охотник и с детства приучен ходить по болотам до глубокой осени в лаптях. Поэтому до конца работ я так и не простудился.

Разина пригласили на преподавательскую работу в Свердловский Горный институт, и он собрался уезжать. Учитывая мое пристрастие к геологии, он списался со своим другом — начальником Курской геолого-разведочной партии НИУ (Научного института удобрений) Яковлевым, и вскоре мне пришел вызов в эту партию на должность коллектора.

Грустно было уезжать из Тамбова. Дело в том, что с хозяйской дочкой, Лелиной подругой Шурой Херсонской мы полюбили друг друга, да так сильно, что решили создать семью. Однако мы считали, что до этого я должен полностью встать на ноги в материальном отношении. А пока только любовь. При этом, несмотря ни на что, мы могли уже тогда принадлежать друг другу физически, но из благородных побуждений я ее не тронул.

Поезд мой уходил рано утром, и всю ночь мы провели вдвоем, тесно прижавшись друг к другу. Обещали писать друг другу и все такое прочее.

И уехал я в Курскую геологическую партию. Она располагалась в селе Пойминово, в десяти километрах от ст. Свобода. На эту станцию поезд прибыл что-то около трех часов ночи. Расспросив дорогу, взял я на спину свои вещички и побрел.

А спать хотелось ужасно, и вот в первый и последний раз в жизни я умудрился заснуть на ходу. И почему-то, когда засыпал, меня вело влево. А снег был глубокий, как залезу в сугроб, сразу просыпаюсь, выхожу на дорогу и дальше. А последний раз уже в пойменном лесу, врезался лбом в дерево. Тут уж окончательно проснулся, а вскоре и село появилось.

На селе встают рано. Уже почти во всех избах окна светились. Постучал в первую избу, спросил, где здесь геологи живут. Мне показали.

Захожу в избу, хозяйева сидят завтракают, а с ними за столом парень, явно не здешний. Я спрашиваю:

— Вы коллектор геологоразведочной партии?

— Нет, я буровой мастер, а коллектора у нас нет, и мы ждем его приезда.

— Ну вот, — говорю, — я и приехал.

Посадили меня завтракать, а потом пошли мы с тем парнем — Абрамом Глайхенгаузенем — к начальству. Начальник партии отсутствовал, он в Москве был, а в партии всем заправлял геолог Дмитриев, человек малопрятный, но начальство не выбирают, а ему подчиняются.

Познакомился с другими специалистами партии. Кроме Глайхенгаузена были и еще буровые мастера: Тоня Дашкова, Тихон Селезнев и другие. Были два десятника, руководившие шурфованием — Селезнев, старший брат Тихона, других не помню как звали. Был завхоз и опробователь.

Село Пойменово протянулось по правому высокому берегу реки Тускорь.

Квартиру мне нашли в хорошем доме за двадцать пять рублей в месяц, с харчами, поэтому из моего сторублевого оклада я имел возможность посылать немного матери.

Семья хозяина дома: он сам, его жена и две дочери — одна взрослая, другая девчонка лет пятнадцати. Семья была довольно зажиточная, так что обеды были обычно со сметаной и мясом. Колхоз в Пойменове организован еще не был, но слухи о нем ходили. А летом, когда мы с партией переехали на новый участок в деревню Прилепы, до нас дошли слухи, что хозяина моего раскулачили.

Партия вела детальную разведку фосфоритного месторождения. Разведка была в основном шурфовая и буровая. Бурение велось ручное ударно-вращательное.

От того бурения, которым я занимался в Ржаксе, оно отличалось большей глубиной и наличием высокой треноги. Вверху был блок, а между двух ног треноги располагался вороток. При сравнительно глубоком бурении снаряд руками не вытащишь, а воротком через блок вполне по силам буровой бригаде из трех человек.

Кроме того, если породы были неустойчивыми, приходилось бурить с обсадкой. Если само бурение велось вращением и ударами с помощью металлического хомута, то для обсадки употреблялся большой деревянный хомут.

Буровой наконечник здесь в основном был змеевик, и лишь в конце бурения, для отбора пробы употреблялся бур-ложка.

Моя задача заключалась в описании скважин и шурфов и отборе проб. При проходке шурфов в качестве пробы отбирался фосфоритовый пласт на все сечение шурфов. Специалист-опробователь (солидный, очень интеллигентный товарищ

Павел Павлович, фамилию не помню) забирал пробу, отсеивал песок и определял процент содержания собственно фосфорита.

В геологическом отношении месторождение представляло следующее: под небольшим слоем четвертичных лесовидных суглинков залегал мощный слой верхне-мелового мергеля. На высоких отметках он был выщелочен и от кислоты не вскипал. Ниже залегали натуральные мергеля. Под мергелем залегал слой запесоченного мела, по-местному "сурка", сеноманского яруса, мощностью около полутора метров. Эта сурка доставляла нам большие неприятности: стоит в ней остановить вращение бура, как она его тут же схватывала и извлечь из нее снаряд удавалось далеко не всегда. Много скважин было потеряно перед самым концом бурения. Дело в том, что под суркой находилась фосфоритовая плита первого фосфоритного слоя. Ниже залегал слой глауканитового песка, а за ним второй фосфоритовый слой, представленный не плитой, а скоплением желваков различных форм. Желваки часто представляли собой окаменевшие губки, сохраняя их формы. Кроме окаменевших губок и кораллов, в этом слое встречались зубы акул.

В районе работ нашей партии хорошо развит был лишь первый пласт или "плита". Строго говоря, плитой его можно назвать только условно, так как он состоял из глыб толщиной 20-30 см и длиной отдельных желваков до 50-60 см. Бурение велось только до пласта, так как его пробурить нашим инструментом было невозможно.

Плита и желваки первого горизонта были черные, шершавые, с малым количеством видимых окаменелостей. Желваки же второго горизонта имели гладкую блестящую поверхность, но на нашем участке в некоторых шурфах ее вообще не оказалось, и под слоем глауканитового сеноманского песка сразу залегали белые альбские пески.

Километрах в десяти от нас, по другую сторону Тускорьской поймы и железной дороги, работала другая партия, у которой главным был именно второй пласт с его массой окаменелостей.

До моего приезда, пока не было коллектора (моего предшественника осенью забрали в армию), скопилось много не описанных образцов. Да и мои описания на первых порах носили примитивный характер. Поэтому в конце зимы из Москвы приехали три женщины — геолог и два коллектора. В мою квартиру собрали все образцы и начали их подробную опись. К этой работе и меня подключили, что для меня было очень полезно, так как специальных курсов я не проходил и

только в процессе этой работы познал всю тонкость работы коллектора.

Я быстро сдружился с Абрамом Глайхенгаузенем. Свободное от работы время мы всегда проводили вместе. Иногда рабочие приносили четверть медовухи, и около нее вечер проходил. Интересное свойство этого напитка: пьешь — одно удовольствие, вкусно и голова совершенно нормальная, а ноги не ходят. Встаешь с трудом и уже по одной половине никак не пройдешь.

Был в партии фотоаппарат фирмы “Кодак” под пластинки 13x18, а Абрам хорошо знал фотодело. Часто с ним, Тихоном Селезневым и Тоней Дашковой мы ходили на прогулку и фотографировались. Под руководством Абрама и я вскоре освоил фотографирование, обработку пластинок и фотопечать.

Скучал я по Шуре и всю зиму мы с ней активно переписывались.

К концу зимы разведка Пойменовской площади месторождения была закончена, и партия переехала на несколько километров южнее в район деревни Прилепы.

При переезде каким-то образом потерялся мой полушубок. Он был перешит из отцовской меховой дохи, внутри мелко-кудрявая овчина, а сверху серо-голубое сукно. Очень красивый и теплый был полушубок. Тогда я, конечно, расстроился, но... было уже тепло, а до новой зимы было ой как далеко! В общем, особых переживаний эта потеря у меня тогда не вызвала.

В Прилепах поселились мы с Абрамом вместе в доме уже раскулаченного богатого мужика, где с двумя детьми оставалась его жена, довольно молодая и довольно неряшливая женщина.

Состав партии на лето увеличился. Приехали две девушки-коллекторы Аня Баранова и Катя Середкина, а также горный техник Саша Милютин.

Деревня Прилепы была разделена оврагом на две половины. Мы жили в северной, а в южной была школа, где работали две учительницы: совсем молодая и миловидная девушка и пожилая не очень приятная дама. Мы с Абрамом часто вечерами заходили в школу, а по воскресеньям ходили с молодой учительницей на прогулку. Однако вскоре наши походы в школу закончились. Учительницы были в северной половине, где по поручению уполномоченного ходили по избам уговаривать мужиков вступать в колхоз. Налетела гроза с ливнем, и ручей, бежавший по оврагу, превратился в поток. А учительницам домой надо. Я, как “рыцарь без страха и упрека”,

взялся перенести их через этот поток. Подхватил молодую учительницу и легко перенес ее на тот берег. Вернулся, взял и старшую учительницу, а она тяжелая оказалась. Понес и вдруг посередине потока подскользнулся и посадил ее в воду. Конечно, встал, поднял ее, перенес все-таки, но мокрую и грязную (поток-то грязный был). И вот решила эта учительница, что я нарочно ее в лужу посадил и, естественно, нам в гостеприимстве было отказано.

Деревня в то время бурлила. Уполномоченный, какой-то двадцатитысячник из Ленинграда, ездил по участку из нескольких сел, проводил сходы, требуя вступления в колхоз, заставлял учителей ходить по домам и доказывать мужикам, что деваться им некуда и надо вступать в колхоз. Тех из сопротивлявшихся, кто жил побогаче, — раскулачивали.

Я это все принимал очень близко к сердцу.

Жил в Прилепах мужик-бедняк, охотник-любитель. Я с ним на тягу ходил и из своей коротышки вальдшнепа убил. Так мы с ним подружились. Он, конечно, был против колхозов. Обсуждали с ним это дело, и я высказал мысль, что надо как-то действовать против колхозов. Он сказал, что познакомит меня с живущим под Курском старым эсером, и с ним надо посоветоваться.

И вот как-то вечером зовет меня этот мужик к себе. У него за столом сидит хорошо одетый высокий человек с черной окладистой бородой. Хозяин познакомил нас, и я сразу начал разговор о необходимости организовать против коллективизации. Не знаю, какое я произвел на него впечатление, но, по-видимому, он понял, что я достаточно легкомысленный мальчишка (каковым я и был на самом деле). Во всяком случае, он мне разъяснил, что сейчас как-либо выступать не время: народ запуган, а власть достаточно сильна. Поэтому он советует пока ни в какую драку и агитацию не вступать, а ждать лучших времен.

Я, конечно, был разочарован, обижен, но... доброму совету последовал, и на этом моя контрреволюционная деятельность закончилась раз и навсегда.

Этот мужик-охотник уговорил меня отдать ему мое ружье-коротышку, взамен на нормальное ружье. Ружье хорошее, бой нормальный, одно плохо: ружье восемнадцатого калибра и к нему всего двенадцать гильз медных. Ни до, ни после я ружьем восемнадцатого калибра не встречал. Поэтому как эти двенадцать гильз выйдут из строя, стрелять будет нечем!

Получил отпуск Абрам, и, поскольку нас, коллекторов, было трое, меня перевели в буровые мастера. Одновременно

для пополнения НИУ кадрами организовали курсы буровых мастеров, на которых мне поручили читать геологию. В связи с коллективизацией к нам на курсы много народу потянулось. К сожалению, всех принять возможностей у нас не было, но те, кто попал к нам на курсы, учились очень прилежно. Практически курсантами стали почти все наши рабочие.

Бурение у меня шло весьма успешно, но и меня как-то подвела сурка, и я заporол скважину. Дмитриев наорал на меня, вообще-то не по делу: сурка встретилась в этой скважине выше обычного и я, как всегда, перед суркой остановил бурение для наращивания штанги, но оказалось, что змеёвик был уже в сурке, и его прихватило.

По выходным дням мы своим коллективом часто ездили на экскурсии то в соседнюю партию, то в Курск, а то просто на природу.

По склонам балок появилось совершенно неистовое количество полевой клубники. Бывало, ляжешь на траву и, почти не передвигаясь, ешь ее и ешь.

В общем, и работы стало много: днем бурение, вечером занятия на курсах, а к ним еще и готовиться надо. Ну, а по выходным тоже некогда.

В общем, раз я Шура не ответил, два, а там и вовсе прекратилась наша переписка.

Потом я узнал, что Шура меня искала, даже в Москву приезжала, но я к тому времени был уже на Урале. А когда два года спустя, уже работая в Комсомольске-на-Амуре, я написал Шура большое письмо, то в ответ получил такую отповедь, что и вспоминать не хочется. В заключение письма была такая фраза: "Я нашла себе тихую пристань и прошу больше меня не беспокоить своими письмами". Вот так закончилась моя первая настоящая любовь.

Как-то я рассказал всю эту историю Леле. Она сказала, что я дурак, что главная моя вина, которую не могла простить Шура, — это именно то, что я ограничился, так сказать, платонической любовью.

Но, думается, что я все-таки был прав. Ведь, наверное, был бы ребенок, мне бы пришлось остаться в Тамбове и превратиться постепенно в обывателя.

К августу месяцу мы закончили буровую разведку прибрежной части месторождения. Остались проходки шурфов и опытной штольни, началось сокращение партии. В первую очередь буровиков.

Не дожидаясь сокращения, я уволился по собственному желанию и уехал в Москву.

В Москве обнаружил довольно мрачную обстановку. Денег мало. Матери и тете Анне как лишенкам карточек на продовольствие не выдали. Жили на то, что старая учительница мамá — Лидия Дмитриевна, живя в Париже, ежемесячно высылала своей бывшей ученице сто франков, что равнялось 8 руб. 75 коп. торгсиновскими боннами.

Узнал, что Леля работает старшим коллектором на Южном Урале, в Башкирии. Она, между прочим, написала, что коллекторов там не хватает, так как разведка расширяется.

В общем в Москве мне ничего не светило, и решил я ехать к Леле. Из Лелиных писем я узнал, что работает она в геолого-разведочном бюро Первого золото-медного Башкомбината в городе Баймаке, а ехать надо туда до станции Сара.

Купил билет на оставшиеся от увольнения деньги, распрощался с родными и поехал с пересадкой в Оренбурге.

Впервые Волгу переехал по длиннейшему мосту, проехал по местам, описанным Аксаковым. Ехал небыстро, в самом дешевом тогда поезде “Максим Горький” или “Пятьсот-веселый”, в вагоне IV класса.

Больше в тамбуре ехал, с любопытством высовывал голову из окошка. От ветра кепка с головы слетела.

Наконец приехал на станцию Сара.

Вышел из поезда, кругом степь и всего несколько домиков, а города не видно. Спрашиваю, где здесь город Баймак, а мне говорят: до него сто километров!

Что делать? Идет машина туда, однако стоимость проезда, не помню какая, но выше моих финансовых возможностей.

Совсем я приуныл.

Ну с ночевкой просто: лето, тепло. Отошел от поселка, в степь, лег и выспался до утра.

Утром опять на станцию. Продукты, что из дома взял, кончились, а есть хочется! Ни буфета, ни столовой на станции Сара не оказалось. В магазине купил кусок хлеба и каких-то конфет, вроде помадок. Ел осторожно. Сколько еще времени пройдет, пока доберусь до Баймака?

День прошел на станции. Еще ночь в степи переспал.

Утром сижу на лавочке и вдруг вижу идет машина, а на борту надпись: ГРБ.

Я к машине. Рядом с шофером сидит мужик солидный, и в кузове мужик и парень, моего примерно возраста. Говорю: я коллектор, еду в Баймак в ГРБ, да не знал, что от Сары до Баймака сто километров. Захватите меня с собой.

“Садись”, — говорят. Познакомился с будущим коллегой — тоже коллектором.

Парень этот, коллектор Борисов (имя не помню) показался мне недружелюбным, неприветливым. Потом, уже в Баймаке, куда геологи и коллекторы собирались раз в месяц, это первое впечатление подтвердилось. Некомпанейский был парень.

Ну, да главная проблема решена: еду в Баймак.

Дорогой в каком-то поселке остановились. Мужики и Борисов зашли в хату, я остался в машине. В хате они, видимо, выпивали. Мужик, что в кабине сидел, вспомнил обо мне: выносит кусок хлеба и большой огурец. Очень это кстати было! Конфеты мои кончились еще накануне вечером.

Поехали дальше. Сорок километров не доезжая до Баймака — рудник Бурибай. Там Борисова оставили, он коллектор этого рудника.

К вечеру приехали в Баймак. Я сразу к начальнику ГРБ — Мерабьяну. Сидит за столом солидный, с черной бородой дядя.

Я представился ему. Говорю: “У вас сестра моя Елена Давыдова работает”.

— Елену знаю. Она хороший работник. Работает она на Тубинском руднике, километров шестьдесят отсюда, но там и так два коллектора, третий не нужен. А вот на руднике Бакр-Узяк у нас коллектор Амиров заболел, и мы его на курорт направили. Так что оформляйтесь и завтра же отправим вас в Бакр-Узяк.

Написал я заявление, сказал, что у меня деньги кончились. И тут же приказ оформили, аванс выдали и на ночь в общежитие определили.

А наутро шла подвода с каким-то грузом для буровиков за пятьдесят километров в Бакр-Узяк, и покатил я на место назначения.

Город Баймак расположен на равнине, примыкавшей к подошве хребта Ириндык. В пределах той же равнины, недалеко от города, был рудник Юлалы, в сторону ствола рудника Бурибай, находившегося тогда в стадии разведки и строительства. В той же долине, но к северу от города — большой Тубинский рудник, а рудники Сибай и Бакр-Узяк располагались за Ириндеком, у восточных его склонов.

Так что пришлось переваливать через Ириндык, хребет скалистый и крутой. Так что лошадь еле тащила подводу, и нам с возчиком пришлось пешком плестись. И тут обнаружилось, что наверху, на относительном плоскогорье, заросшем редкими корявыми березками, масса зайцев. Почти из-под каждого куста выскакивали.

Спустились по восточному склону хребта в долину и вскоре въехали в поселок Сибайского рудника.

В то время это был небольшой рудничок, деревянный копер, с эстакадой, но шахта в тот период не работала: сравнительно богатое по содержанию меди рудное тело выклинилось, и шла в основном буровая разведка.

Представление о бедной и богатой руде было несколько иное, чем сейчас. Так, руда рудника Юлалы содержала 22% меди, Тубинская — 25-28%, а почти чистый халькопирит, с содержанием меди 36% разрабатывался рудником Бакр-Узяк. Ясно, что на этом фоне руда Сибая, содержащая не более 15% меди, считалась бедной.

Интересно, сейчас, когда богатой считается руда с содержанием меди в долях %, из всех перечисленных рудников сохранился только Сибай, превратившийся в крупнейший рудник, разрабатываемый открытым способом, а поселок, состоявший в 1932 году из одного двухэтажного деревянного дома и двух барачков, превратился в солидный город Сибай.

Покормив в Сибаяе лошадь и пообедав в столовой, поехали дальше и прибыли, наконец, в Бакр-Узяк.

Что представляет собой рудник Бакр-Узяк?

Одна работающая шахта с деревянной копррой. В стороне вентиляционный ствол, без копры, служивший для вентиляции и подачи пустой породы в закладку вырабатываемого пространства.

От работающей шахты отходило две эстакады: одна для руды, другая для пустой породы.

Был в стороне еще небольшой отвальчик для складирования окисленных руд, которые Баймакским медеплавильным заводом не перерабатывались. Он принимал только сульфидные руды.

А среди окисленных руд было много зеленого малахита, синего азурита, красного куприта и черного тенартита, ну, и, конечно, бурого железняка, составлявшего собой так называемую "железную шляпу" — результат окисления сульфидной руды каждого месторождения, располагавшегося выше горизонта грунтовых вод.

К копре примыкало здание котельной, подававшей пар в шахту (на насосы водоотлива) и в подъемную машину. Кроме того, пар подавался в паровую буровую машину "Суливан" глубокого алмазного бурения. Другая буровая машина "Крепиус" дробового бурения имела свой дизель.

В стороне от шахты располагались здания рудоуправления и столовая, а полукругом по радиусу длиной метров сто стояли хаты рабочего класса.

Одна из тех хат принадлежала семье больного коллектора Амирова.

Произвел он на меня довольно мрачное впечатление: худой, изжелта-бледный. У него развился туберкулез, и врачи назначили ему курортное лечение с кумысом.

По случаю моего приезда его мать наварила бешбармак (которого я до этого не пробовал) и кумыс поставила. Его я тоже до этого не пробовал. Он оказался сильно кислым, слегка шипучим и терпким. На первый раз он мне не очень понравился.

На другой день Амиров познакомил меня с руководством рудника. Техноруком рудника (так тогда назывался главный инженер) был горный техник Стрихнин. Был там же штейгер, ведавший горными работами, солидный усатый башкир, фамилии не помню. Директор рудника в то время отсутствовал, и всем Стрихнин заправлял.

Представил мне Амиров моего помощника, пробщика. Его обязанность — отбирать по моему указанию пробу в забое, толочь ее и паковать в мешочки. Лет этому моему помощнику было 14-15. Все хорошо — одно плохо: я не знаю башкирского языка, а он русского, хорошо хоть дело знал.

Передал мне дела свои Амиров. В шахту спускаться он не мог по болезни, поэтому с горными породами он познакомил меня на буровых по кернам.

Рудное тело располагалось между парфиритом и альбитофиром.

Парфирит представлял собой висячий бок (висячий условно, так как рудное тело залегало практически вертикально). Это была пустая порода серо-землистого цвета.

Альбитофир, лежащий бок рудного тела, по сути представлял собой бедную вкрапленную руду, причем вкрапленность ее была непостоянной, то гнездами, то пропластками.

И мне надлежало зарисовывать грудь забоя и его борта при разработке руды и проходке различных выработок.

В Курской партии были осадочные породы, залегавшие почти горизонтально, и зарисовка шурфов там была простая и, главное, она не отличалась от описания скважин, что позволяло строить профили по створам.

А здесь я вначале растерялся. Хорошо хоть альбитофир сильно отличался от порфирита, и спутать их было невозможно. Но сам-то альбитофир был разного цвета, от почти белого до темно-серого, а местами голубой. Но, главное, вкрапленность была разная.

Особенно трудно было зарисовывать проходку откаточного треса, шедшего в стороне от рудного тела.

Как замечалось изменение вкрапленности, надо было пробу отбирать — это выбивалась с помощью зубила и геологического молотка неглубокая канавка поперек забоя. Отбитые кусочки падали на постеленный брезент. Затем пробщик собирал эти пробы, дробил на мелочь, засыпал в мешочек, на котором я указывал горизонт, метр, на котром отобрана проба, от начала выработки и название породы.

У меня были цветные карандаши, и я на длинном полотнище разрисовывал стенку откаточного штрека. Причем один и тот же альбитофир в зависимости от цвета и цвета вкрапленности я разрисовал разными цветами.

Когда я привез это художество в Баймак, смеху было много. Особенно издевался очень острый на язык геолог Перов.

Но это все было потом.

Обстановка в шахте была следующая: глубина шахты все-го шестьдесят метров. Клеть парашютов не имела, и людей возить было нельзя. Поэтому спускались и поднимались по лестничному отделению. Там же, вдоль стенки, проходили паровые и водоотливные трубы.

Из-за паровых труб жара в лестничном отделении была как в бане, и когда поднимаешься по лестнице (через каждые пять метров располагалась площадка и на ней наклонная деревянная лестница), семь потов сойдет. Иной раз устанешь, станешь на площадке и невольно обопрешься спиной о паровую трубу, и так спину припечет! Хорошо, спецовка брезентовая, от ожога предохраняет.

Освещение в шахте было свечное. У рабочих подсвечники представляли проволочные спиральки. Конец проволоки отогнут и заострен. Этот острый конец втыкался в стойку.

А горнадзор (штейгер, десятник и другой народ без постоянного места работ, в том числе и я) имел подсвечники-бленды. С ней идешь, и свеча не тухнет.

Около рудной эстакады располагалась крошечная избушка с печкой-буржуйкой. В этой избушке поставили топчан, столик и табуретку и поселили меня.

Выдали мне спецовку — брезентовую куртку, штаны и шляпу с полями, широкими сзади (чтобы вода за шиворот не попадала) и короткими спереди. Касок тогда не было. Выдали и сапоги шахтерские с наколенниками. Хорошие были сапоги, из натуральной кожи. После я таких сапог уже никогда не встречал. Начались всякие эрзацы, наколенники брезентовые стали, быстро протирающиеся. В общем, начался режим экономии.

Рядом с рудником работала небольшая геофизическая партия. Вечерами геофизики приходили ко мне в избушку на

огонек и болтали на разные темы от анекдотов до вопросов сугубо специальных:

В конце каждого месяца мне давали лошадь с тарантасом, и я ехал в Баймак. Собирались коллекторы со всех рудников. На первом же съезде я и Лелю встретил. Она рассказала мне, как геологи встретили мою "картину" и объяснила, как вести зарисовки и описание забоев. Увереннее себя почувствовал. А то ведь меня сунули в дело без всякого инструктажа как опытного коллектора без учета того, что мой опыт к здешним геологическим условиям ну никак не подходит!

В Баймаке раз в месяц мы получали зарплату. Покупали папирос на месяц, откладывали деньги на столовую (обычно заплатишь заведующему столовой определенную сумму, и он кормит целый месяц), а то, что оставалось, тратили в том же Баймаке. Ходили в кино, выпивали понемногу, с девчонками гуляли. В общем, весело время проводили. Леля в нашу компанию не входила, она как более взрослая вращалась в кругу инженеров-геологов.

Неделя в Баймаке, и снова по своим рудникам.

Вокруг Бакр-Узьяка простиралась тогда целинная ковыльная степь. Как-то в выходной день взял я ружье и побрел в сторону Ириндыка. Шел, шел, ружье за спиной: степь однообразная, вроде дичи ждать не приходится. И вдруг метрах в тридцати от меня взлетает целая стая стрепетов. И пока я снимал ружье, улетела куда-то далеко. После этого я уже в руках ружье нес, но... за весь день так больше дичи не видел.

А когда приблизилась осень, приехал парень-башкир, какой-то уполномоченный, и предложил мне за ружье полупальто теплое. Куда деваться? Уже холодно, а впереди зима. Так и пришлось с этим ружьем расстаться. Но... восемнадцатый калибр, не очень-то и жалко!

В свободное время я часто возился в отвале окисленных руд, искал хорошие куски малахита и азурита. Но почковидного малахита там не было, был только сферический, для поделок непригодный. А вообще собрал я хорошую коллекцию медьсодержащих минералов.

На рудник приехали три практиканта из Орского горного техникума: Коля Индейкин, Данилов и Капишко.

Особенно компанейским парнем был Коля Индейкин. Он и поэтом был, и на гитаре играл, и вообще на месте не сидел.

На руднике был клуб и местная молодежь, и вокруг нас четверых быстро образовался большой и дружный коллектив. Занялись, конечно, самодеятельностью. Какую-то пьесу ставили, но больше эстрада. Коля читал стихи, в основном сатирические, а я с одним местным парнем пел частушки на злобу

дня. Этот парнишка, он в конторе работал, доставлял факты для сатиры, я сочинял частушки, и вдвоем под гармошку мы пели их со сцены.

В остальное время танцевали под гармошку.

С Колей мы часто ходили в старые выработки, где с потолка свисали очень красивые голубые сосульки хризокотлы растворимой окиси меди.

Пришла зима, снег рано выпал, и вот в конце декабря поехал я в Баймак. Выехал с рудника, погода была вполне приличная. Но вот облака надвинулись, ветерок потянул, снег пошел. Ветер все сильнее, и такая пурга разразилась, что голову лошади не видать, не только дороги, которую к тому же замело сразу.

Я слышал про Оренбургские метели, но не представлял себе, что это такое. Теперь познал. Ветер и снег во все дырки проникают. И карман набило снегом, и за пазуху лезет. Холодно и, главное, ничего не видно. Лошадь то идет, то станет. Сперва я пытался управлять ею, но вскоре бросил: я ничего все равно не вижу. Может быть, хоть лошадь вывезет куда-нибудь!

Не знаю, сколько я ехал. Уже и смеркаться начало. Пропал, думаю себе.

Вдруг лошадь встала, уперлась во что-то. Поднялся, добрался до головы лошади, смотрю — забор. Взял лошадь под уздцы, повел вдоль забора, вот и ворота. Конный двор Сибавевского рудника оказался. Нашел конюха, сдал ему лошадь с подводой. Какой-то мужик повел меня в двухэтажное общежитие, где артель плотников жила. А мне сразу стакан водки. Выпил, еще налили. Вот когда второй стакан выпил, чувствую, что согреться начал. Закусил, и сразу меня спать уложили.

А утром погода наладилась, и я благополучно перевалив через Ириндык, прибыл в Баймак.

Говорили, что в тот буран погибло несколько человек в степи.

В тот приезд мы долго с Лелей разговаривали. Мы оба сугубо отрицательно к коллективизации относились, но индустриализацию страны считали делом необходимым. А для индустриализации нужно много цветных металлов и золота. И договорились, помнится, до того, что мы разведчики, все должны отдать разведке, и семейная жизнь, которая отвлечет нас от этого дела, не для нас. Мы просто права на нее (на семейную жизнь) не имеем. Вот так!

Уехали в Орск практиканты. Скучно стало на руднике. А вскоре вернулся с курорта Амиров, окрепший, пополневший

и здоровый. Сдал я ему дела и с первой же оказией уехал в Баймак за новым назначением.

И послали меня на рудник Южный Юлук, что располагался в березовом лесу в сорока километрах к западу от Баймака, за невысоким хребтом Уралтау и рекой Сакмарой.

Рудничок небольшой, и находился он в то время в стадии разведки. Проходилось всего два штрека по пластообразному рудному телу. Мощность руды была небольшая, от десяти до восьмидесяти сантиметров. Вмещающие породы — метаморфические сланцы.

В общем, здесь условия были ближе к Курским, чем в Бакр-Узьяке.

Кроме шахты, здесь работало две буровые установки со станками “Крелиус”. Так что работы было не так много: зарисовка — простая, описание кернов тоже.

Поэтому, когда на рудник для обмена опытом приехал проходчик-американец Джон, мне директор рудника Батраев поручил помогать Джону и осваивать его методы работ. Мне в помощь прислали двух младших коллекторов Косолапова и Ахтямова, так что коллекторскую работу я на них взвалил, а сам вплотную занялся проходкой выработок.

К весне понаехало много молодежи, во главе с геологом Фельдманом и его прямым помощником — Лелей Давыдовой. Стало весело. Вечером гуляние допоздна.

А потом — потом на шахте произошел несчастный случай. При взрыве забоя погибли десятник и его помощник. Для меня это был резкий поворот судьбы: меня назначили десятником, а одновременно и взрывником. То, что за этим последовало, подробно описано мною в “Записках старого взрывника”.

В геологии я в общем проработал два года, а взрывным работам посвятил остальные пятьдесят семь лет трудовой деятельности.

Где-то в семидесятых годах пришлось мне посетить рудник Сибай. Ехал не через Баймак, а через Магнитогорск, соединенный к тому времени с Сибаем железной дорогой. Думал посмотреть на Бакр-Узьяк хоть из окна вагона. Но вместо рудника в распаханной степи увидел пару небольших холмиков вместо стволов и ничего больше. Грустно посещать места, где прошла юность. Мало что осталось от тех времен!

О Г Л А В Л Е Н И Е

I. До революции	3
II. Революция	8
III. Знакомство с ЧК	12
IV. Весна	16
V. Антоновщина	24
VI. Нэп	30
VII. Рыбная ловля	31
VIII. В саду	34
IX. Уборка хлебов	38
X. Мельница	40
XI. Мы все учились понемногу	43
XII. Охота	46
XIII. Свалка на Илюхином озере	53
XIV. "Монплеzir"	54
XV. Москва	59
XVI. Лето'1926 года	63
XVII. Тамбов	66
XVIII. Наша идеология	72
XIX. "Общество науки и развлечений"	73
XX. Сгущаются тучи над нами	75
XXI. Геология	79

Степан Александрович Давыдов
ЗАПИСКИ СТАРОГО ВЗРЫВНИКА

Оригинал-макет подготовлен
издательско-полиграфической фирмой «Текст-Мастер»

Сдано в набор 09.01.92. Подписано к печати 14.07.92.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Уч.-издл. 5,24. Тираж 1000 экз.
Типография АЗЛК. Заказ 496 - 1000.